

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTIONS

АЛЕКСАНДР
БОГАТЫРЕВ

ПОСЛЕДНИЙ АМЕРИКАНЕЦ

Александр Богатырев

Последний американец

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Богатырев А. П.

Последний американец / А. П. Богатырев — ИД «Флюид
ФриФлай», 2019

ISBN 978-5-906827-76-0

Исследовательский звездолет «Пегас» из колонии Каллисто после выхода из очередного прыжка внезапно получил сигнал тревоги с исследовательского корабля цивилизации Ирби, ящеров. Причина – надвигающаяся катастрофа в масштабах звездного кластера. Источник угрозы – потерянная земная колония. Добравшись до указанной колонии, исследователи пришли в ужас от ее законов и обычаев, присущих скорее диким людоедам, чем разумным существам, вышедшим в космос. После долгих дебатов было принято решение подменить нескольких аборигенов, чтобы попытаться изнутри изменить эту страшную цивилизацию и остановить надвигающуюся войну...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906827-76-0

© Богатырев А. П., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Часть 1. Скрытая угроза	6
Крейсер глубокой звездной разведки "Пегас". 25 340 световых лет от Прародины, 11 020 от Каллисто	6
Часть 2. Пробуждение Зверя	23
Йос. 25 829 световых лет от Прародины, 11 602 от Каллисто.	23
Школа	
Собирательница черепов и Свидетели Исхода	33
Ветер звезд	39
Ступеньки вверх	48
Часть 3. Зверь готовится к прыжку	52
Крейсер глубокой звездной разведки "Пегас". Два световых года от Саны	52
Йос. Федеральная служба	56
Лагерь	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Александр Богатырев

Последний американец

© А. Богатырев, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Часть 1. Скрытая угроза

Крейсер глубокой звездной разведки "Пегас". 25 340 световых лет от Прародины, 11 020 от Каллисто

По традиции на больших экранах зала выводились окружающие крейсер виды. Сейчас половину правой полусферы занимал огромный шлейф ближайшей спиральной ветви галактики, густо переплетенный разноцветными волокнами газа, подсвеченного погруженными в них голубыми гигантами. Яростный свет этих звезд выжигал все вокруг, заставляя газ светиться эмиссионным излучением за много десятков парсеков от них. Молодые глобулы смотрелись на фоне туманности, как черные дыры в бумажной фотографии после того, как кто-то шарахнул по ней картечью. Через много миллионов лет эти черные шарики осядут, и сквозь них как птенцы проклюнутся новорожденные звезды, своим молодым жаром выжигая останки газов вокруг себя, осаждая то, что оказалось в сфере их гравитации, на снежные комья и раскручивая их в протопланетный диск. Но это будет через миллионы лет. А сейчас пылающая туманность с глобулами сияла как маяк на тысячи световых лет вокруг себя.

На планетах ближайших звезд эта туманность наверняка светит ярче десятка Лун Прародины. К сожалению, увидеть эту феерическую красоту с поверхности этих планет почти нереально.

«Если по крейсеру объявляется тревога такого уровня – все планы летят к чертям. Что-то такое возникло в ближайших окрестностях, что требует срочного вмешательства. Скорее всего, спасательная миссия.

Вспышка сверхновой? Вероятно. В таком районе они должны вспыхивать часто.

Это кто же так «попал»? «Пегас» ведь первый из наших звездолетов, так далеко забравшийся. Мы первые из землян по эту сторону спиральной ветви.

Кто-то из друзей по Кольцу попал в беду? Скорее всего, так».

С этими невеселыми мыслями Сергей отвел взгляд от внешних экранов и посмотрел в сторону кресел. Ситара, увидев, что на нее, наконец, обратили внимание, замахала рукой, показывая на кресло рядом. Явно пришла заранее.

Сергей улыбнулся, но его улыбка получилась бледной по сравнению с ослепительным сиянием улыбки девушки. Он помахал в ответ и двинулся в ее сторону.

Как всегда, Ситара буквально источала очарование на десятки метров вокруг. Идеальная фигура и смуглая кожа истинной уроженки Индии, черный хвост волос, заплетенных золотистой лентой, лицо как у богини сильно не сочетались с профессией, которую она избрала.

Девушка была космодесантником. Исследователем, первым идущим в самые странные и самые гиблые места Вселенной. По виду быть бы ей кем-то вроде актрисы или еще кем-то приземленным, но она выбрала именно такую профессию. Впрочем, часто проглядывавшая в бездонных карих глазах мечтательность, да и само имя Ситара¹, которым ее наградили родители, каким-то странным образом даже подчеркивали и ее выбор, и ее статус на космокрейсере.

– Привет! Чего такой невеселый? – поинтересовалась Ситара, когда он наконец-то, пододвинув кресло вплотную, уселся по ее левую руку.

– А чего веселиться? – грустно спросил Сергей. – Кто-то попал в беду. Надо спасать. А это еще значит, что наши планы по исследованию местных звездных кластеров летят ко всем чертям.

¹ Ситара – звезда (хинди). (Прим. автора)

– Не все так страшно! Ведь после спасения у нас еще останется много-много времени. Наверняка это какая-то станция наших друзей в перепплет попала. Вот спасем их и продолжим. Ведь мы такие большие! Что нам стоит хоть весь персонал нескольких станций забрать?

– Ранг для простой спасательной операции что-то «мелковат». Тут что-то куда серьезнее, – мрачно возразил Сергей и посмотрел с вымученной улыбкой на Ситару. – Обещай, что выступишь на работе со мной в паре! – выпалил он.

– У-у! – девушка зажмурилась. На ее очень смуглом лице промелькнули одна за другой обида, мечтательность и удовлетворение. – Это я должна была тебе сказать!

– Значит, договорились?! – просиял Сергей. Ситара тут же изобразила обиду, но улыбка на лице все испортила. Все равно было видно, что ей понравилось.

– Что, голубки, уже воркуете? – услышали они голос ксенобиолога Ромы и дружно повернулись в его сторону. Тот ухмыльнулся в бороду и плюхнулся в кресло рядом.

– Гадаем, по какому поводу тревога, – мгновенно перевела Ситара разговор на нейтральную, но актуальную тему.

– И каковы варианты? – с ходу включился Рома.

– Вспышка сверхновой, – выдал свою версию Сергей.

– Хроноклазм, – тут же подхватила Ситара.

– Тогда моя версия, – поглаживая бороду и по-прежнему ухмыляясь, сказал Рома, – биологическая катастрофа первого рода.

– Каждый о своем! – язвительно заявил Гюнтер-Оскар, подходя к троице и пристраиваясь в соседнем кресле. – И катастрофы измышляете каждый в своей области компетенции.

– Диренфурт в своем репертуаре! – хмыкнул Рома. – Могу спорить, что ты выдвинешь свою версию.

– Да! – подхватила Ситара. – Какова твоя версия?

– Как ксенопсихолог ты, наверное, предположишь некую социальную катастрофу? – поспешил подколоть Диренфурта Сергей.

– Ну... Что-то типа необратимой деградации некой бедной цивилизации, которая не может с ней справиться и орет на всю Вселенную: «Спасите! Помогите!» – Рома даже картинно подпрыгнул в своем кресле, изображая панику.

– А почему бы и нет? – невозмутимо посмотрев в сторону заинтригованной троицы и вздев бровь, поинтересовался Гюнтер.

– Значит, – вкрадчиво начала Ситара, – это твоя версия?

– Нет! – также невозмутимо ответил Гюнтер, чем еще более заинтриговал всех троих.

– Очень интересно! – с неподдельным энтузиазмом заявил Сергей и даже вытянулся в кресле. Ситара же застыла с озадаченным выражением лица, ожидая продолжения.

На пару они производили весьма интересное впечатление. Это отмечали очень многие, наблюдая за их искрометным романом, внезапно вспыхнувшим в дальних странствиях космолейсера. Они каким-то неуловимым образом дополняли друг друга, хоть и выглядели очень разными. Сергей – внешне медлительный, рассудительный, но вместе с тем где-то бесшабашный. Любящий розыгрыши и шутки. Ситара – огонь и лед в одном лице. Эмоциональная и искрометная, но при этом, когда доходило до серьезного дела, тут же превращавшаяся в свою прямую противоположность. Из-за этой второй ипостаси ее даже несколько побаивались другие космодесантники. Многие пытались ухлестывать за девушкой, но после, когда они на полигоне ли, в реальном деле или еще где сталкивались со второй ее натурой – застывали в растерянности. Они до этого видели такую беззащитную смуглую девочку, заводного сангвиника. И вдруг на их глазах эта девочка превращалась в настоящую Снежную Королеву. Это все равно, как если бы вы, услышав в лесу шелест в кустах, ринулись туда в надежде увидеть зайчика, а наткнулись на королевскую кобру.

Возможно, именно из-за своей безбашенности только Сергею и удалось с ней сблизиться. Его, казалось, ничто не пугало и ничто не могло смутить. Он каждый выверт своей подруги воспринимал как должное, и бровью не поведя.

– Конфликт межзвездных цивилизаций, – вдруг заявил Гюнтер-Оскар, явно рассчитывая шокировать друзей.

– Ну, это невозможно! – тут же дружно и хором заявили все трое.

– Вы в этом уверены? – снова приподнял бровь ксенопсихолог.

– У тебя есть точная информация? – быстро спросил Сергей.

– Нет, – так же быстро ответил Гюнтер.

– Тогда чепуха! – с апломбом заявил Сергей и, победно улыбаясь, развалился в своем кресле.

Постепенно зал заполнялся. Космодесантники прибыли практически в полном составе. Явились социоинженеры, что было необычно, но, как отметил про себя Сергей, укладывалось в версию Гюнтера. Подошли почти все руководители секторов, за исключением тех, кто стоял на вахте. Пожаловал также со своим отделом главный корабельный психоскульптор.

А вот что ему и его людям тут делать, было уже совершенно непонятно.

Последними вошли капитан и руководитель экспедиции.

Капитан, как обычно, демонстрировал невозмутимость, но на лице руководителя раз за разом проглядывала то ли растерянность, то ли запредельное удивление, как будто он чем-то донельзя ошарашен, но старается держать себя в руках.

– Как вам уже сообщили ранее, «Пегас» уловил сигнал о помощи, – начал капитан. – Не простой сигнал. Речь идет о катастрофе, с которой мы еще не сталкивались. Запрашивают помощь сразу несколько цивилизаций кластера, находящегося неподалеку. Через звездолет цивилизации Ирби. Мы не ожидали встретить их экспедицию здесь. Они не заявляли эту область, как зону для своих исследований, так что их присутствие в данной области Пространства для нас полная неожиданность. Чем мотивирована весьма спешная экспедиция Ирби в этот район галактики, мы можем только догадываться. Возможно, они получили тот самый запрос, что сейчас переслали нам, и решили провести рекогносцировку на месте, чтобы точно знать, что требуется сделать.

Руководитель экспедиции ненадолго умолк, окинул хмурым взглядом заволновавшихся людей и продолжил:

– Тем не менее... Ирби – ксены. Те самые. Из «Темного Клана». Старая и стабильная звездная цивилизация, почти застывшая в своем развитии. Как вы понимаете, у них свои моральные устои. Очень жесткие. Но даже они были сильно шокированы тем, что предстоит испытать всему кластеру в самые ближайшие пятьдесят лет. Моральная дилемма, которая у них возникла, позволяет им только попросить нас вмешаться. Сами они не могут по все тем же моральным запретам. Просят нас также потому, что причиной катастрофы стала цивилизация явно гуманоидного типа.

Он снова перевел дух и устало добавил:

– Кстати говоря, в этой области Пространства гуманоидных цивилизаций довольно много. Есть также ксены арахноидного вида. Катастрофа охватывает сразу около десяти обитаемых звездных систем, не считая мелких колоний.

По залу пронесся гул. Шок от того, что они только что узнали, охватил всех. Как бы ни был огромен «Пегас», но даже его внушительные габариты, вся его мощь по сравнению с масштабами надвигающейся катастрофы были просто несущественной мелочью.

– Да как же мы всех спасем-то?! – послышался голос астрофизика Левы. – Если это вспышка сверхновой, то мы если и сможем кого-то вывезти, то не более миллиона разумных.

– Речь идет не о вспышке сверхновой, – тут же ответил капитан.

– Но что же это за катастрофа такая, способная охватить сразу кластер, как я понял, радиусом около пятидесяти световых лет, раз это не вспышка сверхновой?!

– Дело значительно хуже. Эта катастрофа имеет конкретное имя – алчность. Алчность одной из цивилизаций, грозящая вылиться в грандиозную войну, охватывающую кластер далеко не в сотню световых лет в диаметре... А в сто пятьдесят парсеков².

– И эта цивилизация... гуманоидная?! – пораженно переспросил астрофизик, хотя из ранее сказанного многое было уже понятно.

– Да. Гуманоидная. Более того, они так похожи на нас, что ирби высказали предположение: это одна из наших потерянных колоний.

– Насколько это вероятно? – поинтересовался расположившийся рядом Роман.

– Почти сто процентов, – подал голос психоскульптор, до этого тихо сидевший возле капитана.

Это утверждение вызвало бурю обсуждений. Не каждый год и далеко не каждое десятилетие случается найти хотя бы одну из «потерянных». Почти все они не достигли в своем развитии уровня выхода на межзвездные просторы. Просто цивилизации, которые мирно и тихо расплозятся по осваиваемому миру, по ближайшим планетам своей планетной системы, подбираясь к тому, чтобы заново восстановить способность путешествовать между звезд.

А тут явно целая цивилизация вышла в межзвездное пространство, да еще и стала причиной некой катастрофы, грозящей сразу очень многим окружающим мирным цивилизациям.

– И что мы можем в данном случае? Ведь за помощью даже до Каллисто добираться – очень далеко, – последовала реплика все того же неугомонного астрофизика.

– Нам предлагается попытаться сделать глубокое социокультурное преобразование общества. Тем более, что это по всем признакам они – наша потерянная колония.

– В чем стоит все-таки удостовериться на месте! – немедленно вставил кто-то из социопсихологов.

– Это почти всем ясно! – отмахнулся его сосед. – Одна структура языка многое говорит! Явно «потерянные».

– Тем не менее, – продолжил капитан, пресекая поднимающийся среди ученых шум, – только мы, по известным причинам, можем попытаться с очень серьезными шансами на успех предотвратить катастрофу.

– Почему?! – последовал тут же удивленный вопрос астрофизика Левы. – Ведь там, насколько я понял, ирби нам сообщили, есть и другие гуманоидные цивилизации. Они ведь тоже в состоянии...

– Дело в том, что не в состоянии! – пресек его монолог капитан. – Только две гуманоидные цивилизации из того кластера имеют выход к звездам, но они не дотягивают до уровня знаний и компетенции, необходимых для успешного вмешательства. Информация, переданная нам от ирби, прямо говорит, что именно мы можем – остальные не в состоянии. Мы, наша цивилизация, имеем для этого и опыт, и конкретные наработки. В пользу этого свидетельствует и то, что структура общества цивилизации, которую нам придется «править», очень похожа на ту, которую мы имели в период «темных тысячелетий». Еще в Эру разобщенного мира.

– Вот это да!!! – чуть ли не подпрыгнул в своем кресле Гюнтер-Оскар.

Окружающие с улыбкой и пониманием посмотрели на него, так как всем была известна «мания» Диренфурта – изучение «темных тысячелетий», изобретение способов исправления наиболее тяжелых извращений того времени и способов прохождения кризисных точек. Он даже имя и фамилию себе изменил в честь одного из малоизвестных героев того времени³. Кстати сказать, и изучение «темных тысячелетий», и принятие имен героев того времени среди

² Один парсек (пк) равен 3,26 светового года. Отсюда 150 ПК = 489 св. лет. (Прим. автора)

³ Гюнтер-Оскар Диренфурт – альпинист, путешественник, исследователь Гималаев. (Прим. автора)

ксенопсихологов было довольно распространенным явлением. Удивительно, что из этой весьма обширной когорты ученых, увлеченных темными веками, на «Пегасе» оказался только Гюнтер.

Капитан заметил его бурную реакцию и, лукаво улыбнувшись, кивнул.

– Вот и пригодятся все ваши наработки! – сказал он и тут же перешел к делу. – ...Итак, вводная.

Наша цель – Звезда класса F9 четырнадцатого сектора Великого Кольца. У звезды три обитаемые планеты. Главная – четвертая. Собственное название – Йос⁴. Третья и пятая планеты от звезды, попадающие в зону жизни⁵, колонизируются, но вяло. Главная планета терра-подобна на 99 %, что, согласитесь, редкость. Имеет естественный спутник.

Звезда имеет у аборигенов собственное название – Сана. По физическим характеристикам – кратная звезда. Второй компонент находится на расстоянии 0,4 светового года. Тип – красный карлик класса M5. Имеет две планеты с твердой поверхностью. На обоих имеются базы аборигенов Йос.

Уровень научно-технического развития аборигенной цивилизации сравнительно низок, но до межзвездных перелетов она доросла. Уровень культурного развития, тем не менее, не соответствует научно-техническому. Причем это несоответствие сильно нетипично: культурное развитие отстает, – капитан особо сделал ударение на этом слове, – ...и почти остановилось на уровне полу-рабовладельческого строя. Наблюдаются остатки кастовой системы. Имеются также элементы капитализма. Вот такой взрывоопасный коктейль!

В настоящее время данная цивилизация вошла в соприкосновение с другими, культурно более развитыми. Также имеется контакт с расой Квири, ближайшая колония которых находится от них на расстоянии двенадцати световых лет. Квири – гуманоидная цивилизация. Все бы ничего, но уже сейчас цивилизация Йос освоилась в ближайших окрестностях своего солнца и пытается подчинить близлежащие цивилизации. Агрессивность действий пока не очень велика, но растет.

Наша текущая задача – глубокое проникновение в социальные структуры данной цивилизации, подробное ее изучение и культурно-политическое прогрессорство. Цель – недопущение самоуничтожения цивилизации. Некоторые варианты развития ситуации, будучи реализованы, представляют потенциальную угрозу не только для окружающих цивилизаций Кольца, но и для нас.

Эти варианты надо купировать. Время, которое у нас есть до первой серьезной развилки, – четыре года. До серьезных неприятностей – тридцать девять. Это значит, что за эти тридцать девять лет нам надо успеть сделать все.

Ирби здесь уже долго сидят наблюдателями. Прodelали необходимую предварительную работу. Но так как прогресс техники в Йос идет вполне приличными темпами, они просят нас поторопиться. Причина банальна: там возрастает вероятность получения технологий, дающих возможность обнаружения наших разведывательных аппаратов. Пока мы серьезно превосходим технологически эту цивилизацию и за счет этого можем что-то сделать. Тем не менее, после внедрения и до самого последнего момента – действия каждого из прогрессоров автономны. По все той же причине – возрастающей возможности обнаружения в их пространстве наших звездолетов, несмотря на маскировку. Что, учитывая агрессивность Йос, неизбежно приведет к боевому столкновению и гибели очень большого количества аборигенов. Это значит, что каждому придется рассчитывать только на себя.

Внедрение предполагает замену аборигена. В каждом случае!

⁴ Earth (англ.) – Земля. (Прим. ред.)

⁵ «Зона жизни» – область планетных орбит, где планеты получают от центральной звезды не меньше, но и не больше тепла, чем то, которое достаточно для возникновения и развития жизни на них. (Прим. автора)

Запись памяти – полная. Также предполагается замена ближайшего родственного окружения. Поэтому при проведении предварительной работы специалистами ирби выбраны семьи с небольшим количеством связей как социального, так и родственного планов. Так как, исходя из соображений безопасности, невозможно встроить кого-либо в слои, близкие к высшим полукастам, ваш «старт» будет изрядно «низким». Со всеми вытекающими из этого обстоятельства проблемами.

– Что значит «полукасты»? – тут же задал вопрос Гюнтер-Оскар.

– Полукаста – это социальное образование, оставшееся после отмены кастовой системы. В ней сохранились многие признаки и свойства закрытой касты. Но, тем не менее, социальные перегородки там изрядно порушены. – Пояснил один из социопсихологов.

– То есть имеется возможность проникновения в... полукасту?

– Да. Но сопряжены они с преодолением очень большого сопротивления. Так что вам надо стать не просто сверхкомпетентными, но и выдающимися для проникновения в полукасты, принимающие решения.

Капитан поднял руку, предвосхищая поток вопросов. Дождался, когда непоседливая аудитория ученых наконец-то угомонится, и посмотрел в сторону сидящих несколько особняком космодесантников, за время доклада капитана ни разу не прервавших его. На их лицах читалась глубокая сосредоточенность, ведь именно они должны были в первых рядах шагнуть на ту планету, в то общество.

Сообщение о катастрофе уже включило десантников в режим повышенной готовности. Ясно было и то, что пойдут вместе с ними и многие из ученых, которые ныне были собраны в аудитории. Но космодесантники – прежде всего. И ясно также, что далеко не все вернутся живыми с этого задания. Слишком велики масштаб задачи и мера ответственности.

Капитан хотел сказать им что-то ободряющее, но понял, что это лишнее. Они и так готовы. Всегда готовы отдать жизнь. Многих из них он видит, возможно, в последний раз. Капитан тяжело вздохнул и опустил взор. Когда он наконец поднял глаза, в них читалась боль.

– Мы понимаем, что информации по этой цивилизации у нас катастрофически мало. Ирби сами это с прискорбием констатируют: все делалось в великой спешке. Так что вам придется пробиваться почти вслепую. Но такова, видно, наша судьба. Очень давно не было по Великому Кольцу тревоги такого ранга. И только мы, ближе всех оказавшиеся к эпицентру будущей катастрофы, можем ее предотвратить.

* * *

Когда расходились с совещания, Ситара внезапно куда-то сразу убежала, даже не предупредив Сергея. Обычно она просила подождать, если того требовалось. А тут... Он сильно удивился и, растерянно озираясь в потоке расходящихся, направился к выходу из конференц-зала. Капитан тоже уже куда-то спешно отправился в сопровождении целой когорты специалистов. Вероятно, на продолжение переговоров со звездолетом ирби. Так что когда Сергей столкнулся с Гюнтером, то пристал к нему с расспросами. Тот как раз обсуждал с Романом детали полученной информации, и Сергей застал хвост обсуждения.

– ...То, что ирби сами не стали ввязываться, а попросили нас – в общем, понятно, – размышлял вслух Гюнтер. – Слишком сильно они отличаются от людей. А другие варианты вмешательства – это полномасштабная война с Йос.

– Ну, как я понял из некоторых намеков, которые допустил капитан, – отозвался ксенобиолог Роман, – ирби все-таки будут воевать. На стороне одной из гуманоидных цивилизаций кластера. Присоединятся к ним и организуют оборону. Корабль у них очень большой. Одну звездную систему они с успехом смогут прикрыть.

– Ну, если на ту систему не нападет эскадра этой самой Йос... Кстати, самоназвание планеты мне что-то напоминает... – с удивлением заметил Гюнтер, скривил рот и почесал переносицу.

– Мне тоже, – отозвался Роман. – Надо покопаться в мертвых языках. Там наверняка должны быть аналоги слова...

– ...И сличить те языки с аборигенным, – добавил Гюнтер. – Наверняка обнаружится очень много интересного.

– Да! Язык либо сильно изменился за столетия, прошедшие после первой колонизации, либо это...

– ...Проклятые? – сообразил Гюнтер.

– Да.

– Ну... Это, думаю, вряд ли.

– А если кто-нибудь таки прорвался тогда?..

– Если бы прорвался, то мы бы их уже нашли. Ведь больше тысячи лет прошло. И ранее потерянных колонистов находили. А эти колонисты всего-то с первой волны – четыреста лет назад которая...

– ...И до сих пор всех не нашли! – возразил Роман. – Так почему бы и Проклятым не найтись?

Гюнтер с великим сомнением покачал головой, выражая тем самым полное неприятие такого варианта. Он и в самом деле имел слишком уж малую вероятность. К тому же даже по прошествии тысячи лет ненависть к Проклятым до сих пор довлела над дальними потомками землян. По большому счету, каждый из тех, кто участвовал в Дальней разведке или Поиске, не хотел бы найти их даже случайно. Слишком уж большое зло Проклятые принесли всей Земле, слишком черный след оставили в истории.

– Гюнтер! – позвал Сергей Диренфурта, когда, наконец, нашел уместным вмешаться в дискуссию. – Ты не мог бы мне прояснить некоторые темные вопросы?

– С удовольствием! – с энтузиазмом отозвался тот и повернулся к Сергею, который виновато улыбнулся и спросил:

– Капитан сказал, что по Великому Кольцу очень давно не было тревоги такого ранга. Не напомним ли мне, когда такая была и с чем связана? Ты же у нас специалист по истории Великого Кольца... А то я как-то и не припоминаю...

– Неудивительно, что не помнишь. Это известно только узким специалистам, – несколько примирительно сказал Гюнтер. – Последняя тревога такого класса была миллион двести тысяч лет назад из-за катастрофических последствий слияния двух черных дыр в звездном скоплении Танхара. Тогда в результате чудовищной силы гравитационного шторма погибло около четырнадцати обитаемых звездных систем. Они же там, в звездных скоплениях, очень плотно сидят. Даже не всем спасателям удалось вовремя удрать – накрыло. А уж сколько разумных погибло...

– Ты говоришь – около четырнадцати. Это как? – тут же с удивлением вклинился Роман. Гюнтер кивнул и, сделав неопределенный жест рукой, пояснил:

– Тут есть полулегенда. Что одна из цивилизаций скопления умудрилась чуть ли не в последний момент умыкнуть свою планету целиком. В параллельную вселенную.

– А основания для этого предположения есть? – заинтересованно спросил Сергей.

– Да, есть! Иначе бы легенды не возникло. В той планетной системе действительно не хватает массы. Имеется большое количество астероидов, а вот массы их чуть-чуть не хватает. И дефицит ее как раз на одну планету типа той, что была обитаема.

– Значит, есть возможность и для кого-то из здешних повторить «подвиг» той цивилизации? – спросил Роман.

– Н-ну... возможно! Если будет доказано окончательно, что эти самые пресловутые параллельные миры существуют, и что туда – в них – можно попасть. Как ты наверняка знаешь, попытки проникновения были, но никто не вернулся обратно, чтобы рассказать, есть они или нет.

Сергей развел руками и сконфужено признался:

– Я действительно не знал, что такие попытки были. Как-то эта тема была далеко за пределами моих обычных поисков.

– Дать список ссылок? – оживился Гюнтер.

– Извини, но уже как бы поздно... Вот вернемся, тогда посмотрим.

В этом «вернемся» заключалась некая почти религиозная вера космодесантников. Никто бы из них не заикнулся насчет того, что можно и не вернуться. Все говорили твердо: «Вернемся!».

И это «вернемся» часто действительно давало им сил выжить даже в самых невероятных и гибельных обстоятельствах. Так что друзья Сергея восприняли этот пассаж с пониманием. Тем более что даже если кому-то из них самих повезет участвовать в этой безумно сложной операции по остановке войны на планете Йос, то только на вторых ролях. На острие, в самом аду, как всегда, – космодесантники.

– Лады! Ну, я побежал? – Гюнтер вопросительно посмотрел на обоих.

Пока разговаривали, вышли в широкий главный кольцевой коридор и остановились на перепутье. Остальные звездолетчики их просто огибали, спеша по своим делам. Да и им самим тоже надо было уже идти каждому в свой отдел. Готовиться к распределению по ролям и местам. Скоро встреча со звездолетом ирби.

– Давай! – Сергей поднял в приветствии руку, тем самым знаменуя конец разговора. Роман молча присоединился к этому ритуалу.

Друзья ударили по рукам и разошлись каждый своей дорогой. Нужно было сделать очень много, перед тем как начнется непосредственная подготовка к десанту.

* * *

Следующие несколько недель прошли в лихорадочной подготовке к десанту. В это время два огромных экспедиционных звездолета разных цивилизаций спешили навстречу друг другу. Местом встречи избрали темный и старый, как сама вселенная, красный карлик, случайно затесавшийся среди молодых звезд окружающих кластеров. Он спокойно дрейфовал в пространстве, держа курс почти перпендикулярно плоскости галактики, очевидно, свалившись несколько миллионов лет назад из обширного галактического гало в гущу голубых звезд и горячих туманностей диска. Был выбран не потому, что находился почти в центре яркой эмиссионной туманности. Не потому, что планеты, которые вращались вокруг него, были совершенно никчемными – пара газовых гигантов с покрытыми толстой ледяной корой спутниками. Не потому, что даже с научной точки зрения он никому не был интересен и поэтому никому из прочих цивилизаций кластера не взбредет в голову сюда лететь. А всего лишь потому, что находилась эта унылая планетная система на равном расстоянии между звездолетами.

Почти весь экипаж и научный коллектив «Пегаса» интенсивно тестировался по методикам, переданным со звездолета Темного Клана Ирби. Идея подмены аборигенов принадлежала «ящерам». Они же скрытно проводили соответствующие исследования на Йос в надежде, что появится возможность найти конкретный способ спасения. Проработанный и готовый к исполнению.

Вообще сама ситуация, в какой оказалась экспедиция, была вдвойне необычна. Не только катастрофа, надвигающаяся на кластер, не только необычность предложения Темного Клана

Ирби. Но и сам факт того, что ирби делятся с кем-то технологиями, которые они ранее никогда и никому не только не предлагали, но еще и не говорили, что таковые вообще существуют.

Обычно между крупнейшими диаспорами цивилизаций Кольца обмен знаниями и технологиями происходил довольно свободно. Все были примерно в курсе того, какие у кого есть достижения. Описания этих достижений и открытий составляли большую часть объема межзвездного обмена данными по Великому Кольцу.

Но в этом случае у ирби, вероятно, имелся какой-то особый запрет, табу на информацию, раз они ранее о таком даже не заикались. И только необходимость спасения большого количества не просто отдельных разумных, а целых цивилизаций местного кластера заставила их, наплевав на табу, вытащить из загошников свои тайны.

Психоскульптор «Пегаса» все эти дни ходил в, мягко говоря, ошарашенном виде. Да, эти технологии относились к его сфере компетенции, но, как он же не переставал повторять, методики ирби оказались намного более глубоки, нежели те, которые знал и применял он сам. «Маски», часто используемые космодесантниками для общения с представителями иных культур и цивилизаций, по сравнению с этими технологиями, по его словам, выглядели детской поделкой рядом с произведением высокого искусства.

* * *

За бортом «Пегаса» медленно менялись виды. За неделю полета одна из ярких туманностей, находившаяся несколько в стороне от ранее запланированного маршрута, разрослась на полнеба, раскинув в стороны, как гигантский спрут, толстые жгуты сияющих всеми цветами радуги горячих газовых шлейфов. С десятков ближайших голубых звезд, раскаляющих своим яростным излучением эти массы газа, теперь проглядывали как бы исподтишка сквозь их радужную вуаль. Света они давали столько, что на верхних палубах, где были не экраны, а большие толстые панорамные иллюминаторы, даже дополнительного освещения не требовалось. После смен люди часто собирались в этих местах просто полюбоваться поразительной красоты зрелищем. И чем ближе подлетал звездолет к месту встречи, тем чаще и в большем количестве люди приходили туда.

Скоро к свету туманностей и голубых звезд прибавились рыжие сполохи излучения старой звезды, притаившейся из глубин межгалактического пространства и времени свое древнее семейство окоченевших от холода планет. Толстая ледовая броня спутников двух газовых гигантов, составлявших планетную систему этой звезды-старожила, играла всеми цветами радуги. Ибо все небеса были гигантской радугой. Газовые гиганты, давно остывшие и прекратившие бурление атмосферы, на фоне всей этой феерии выглядели унылыми перламутровыми шариками. Они ни в какое сравнение не шли со своими собратьями из планетных систем помоложе, красующимися разноцветными полосами мощных атмосферных потоков.

Капитан «Пегаса», как и все каллистяне не лишенный известной доли эстетических чувств, аккуратно подвел звездолет к одному из этих «шариков» и вывел его орбиту точно в плоскости многочисленных спутников. Теперь с одной стороны светила отраженным светом снулая атмосфера местного газового гиганта, а с другой на фоне ярких завитков туманностей скользили его ледяные спутники. И только один из этих спутников раз в двое суток проскальзывал под звездолетом, проходя по более низкой орбите и обгоняя его.

Корабль стал в положение гравитационной стабилизации – носом к планете, кормой к звездам – и выключил маршевые реакторы. «Пегас» прибыл немного раньше своего собрата из Темного Клана. Оставалось только ждать, да и то недолго. Вот-вот из раскаленной радуги окружающих туманностей должен был вынырнуть корабль цивилизации, с которой ранее земляне никогда прямых контактов не имели. Это добавляло некоторый ажиотаж. Одно дело знать, что

где-то там, среди звезд, есть древняя, мудрая и широко раскинувшая по звездам свои колонии цивилизация, а другое дело – увидеть ее представителей воочию и вблизи.

* * *

Тем временем подготовка к спасательной операции шла полным ходом. На счету оказались все, кто мог в той или иной мере участвовать в предстоящей операции. Требовалось отобрать примерно пятьдесят человек, которым предстояло занять место аборигенов Йос. Космодесантники, естественно, подходили все, и им пришлось тянуть жребий, так как часть просто обязана была остаться в резерве. Меньшая часть. Оставшуюся часть группы внедрения добирали из экипажа и ученых. Те, кто подошел по тестам, ходили гоголем. Коллеги же тихо завидовали, надеясь, что в самый последний момент и им, может быть, доведется поучаствовать. Просто наблюдать со стороны, как кто-то геройствует, рискует жизнью, – было тягостно для остающихся на борту.

По распределению ролей предполагалось, что каллистяне готовят людей, а ирби – средства. Они же, как уже знающие «входы и выходы», доставляют «кукушат» (так скоро стали называть на «Пегасе» группу высадки) непосредственно на Йос.

Для этого и спешили сейчас звездолеты навстречу друг другу, чтобы вместе отправиться к цели. К звездному кластеру, который постигла беда. Но только один пойдет гораздо дальше – звездолет Темного Клана. Он и осуществит высадку. И на него перейдет часть каллистян, которые до момента высадки будут находиться в спячке. Именно в спячке им предстояло пройти окончательную «доводку» до жителей Йос. Проснутся они уже на планете-цели.

Как всегда случалось при встречах звездолетов, много времени уходило на маневрирование в районе условленного места. Сообщение о том, что корабль Темного Клана уже прибыл в систему, поступило давно. И это послужило дополнительным стимулом для сбора всех, свободных от вахт и отдыха, на верхних палубах. Люди стояли, любовались местными звездными пейзажами и, как водится, обсуждали предстоящую встречу. Разговор скользил по темам, неизбежно возвращаясь к одной и той же – какой будет эта встреча. Ведь Ирби назывались Темным Кланом далеко не случайно.

Их цивилизация являлась тем очень редким исключением, когда разумный вид вышел из ветви развития существ не с дневным циклом активного существования, а, наоборот, с ночным. У них, соответственно, очень многие понятия были как бы зеркальными по отношению к тем, что имели более распространенные дневные виды.

Сергей подошел как раз тогда, когда Диренфурт, как более компетентный в данном вопросе, разглагольствовал на эту тему.

– Вот сами посудите, как это будет выглядеть для нас и для них: мы, как дневной вид, в древности сильно боялись кого? Правильно! Ночных хищников. И у нас в инстинктах страх перед тьмой ночи. Тьма у нас ассоциировалась со страхом, смертью, а следовательно – и со злом. У них же это было по отношению к свету. У ирби превалировал страх перед хищниками дня, которые находили их спящих предков и поедали. У них зло связано не с тьмой, так как она им привычна, а со светом. Поэтому вся их система понятий добра и зла семантически опирается на понятия, зеркальные по отношению к нашим.

– Но это ведь не значит, что фундаментальные принципы у них также противоположны? – подал голос стоящий рядом человек в форме технического персонала.

– Естественно! – тут же подтвердил Гюнтер.

Роман, который всегда ходил вместе со своим закадычным другом, кивал с меланхолическим видом, скрестив руки на груди. Стоявшие рядом люди тоже проявляли интерес к дискуссии, время от времени поглядывая в их сторону.

Сергей, чтобы не мешать разговору, тихо подошел слева и молча стал рядом, жестом поприветствовав всех присутствующих.

– Если мы говорим «свет», – продолжил Гюнтер, – то подразумеваем «добро». И наоборот. Например: «светлые перспективы» – «мрачные перспективы», «светлые идеи» – «темные мысли». Фундаментально понятия тут никак не отличаются. Отличаются только оформления соответствующими словами. Если мы заменим наше «светлое» на просто «доброе», «хорошее» или «правильное», то получится то, что подразумевают под своими семантическими конструкциями наши друзья из Темного Клана Ирби: «хорошие перспективы» – «плохие перспективы», «добрые идеи» – «злые мысли».

– Значит, их «Темный Клан», можно перевести на наши понятия как... ну... «Добрый Клан»?

– Скорее, Праведный Клан, – вмешался до этого молчавший Роман. – Это будет вернее. Кстати, и звездолет у них интересно называется: «Пламя в ночи».

– Интересно... – хмыкнул техник. – А вообще, при прямых контактах вот эта «мелочь» – разные понятия – не мешает общению?

– Никак не мешает! – с энтузиазмом заверил Гюнтер.

– Тем более что «маска» не позволит понять неправильно, – добавил Роман.

– Это та самая психическая конструкция, внедряемая каждому, кто идет на Контакт?

– Ну... «Маска» – это гораздо более широкое понятие, нежели то, что вы сказали, – возразил Роман.

– Но все равно, – вильнул в своих рассуждениях техник, – почему именно ирби вызвали такую бурю обсуждений в среде ученых «Пегаса»? То, что вы сказали только что, согласитесь, мелочь. Просто семантические изыски. Чем же еще эти ирби вас так сильно поразили?

– Да уж! – рассмеялся Гюнтер. – «Поразили» – это слабо сказано. До глубины души потрясли!

– Дело в том, что если тихие ирби вот так мечутся, – снова вклинился Роман, – то дело тут действительно не просто дрянь, а... вообще...

– Обычно такие цивилизации, как ирби, скучноваты и малозаметны, – поспешил пояснить Гюнтер. – Ну, живут себе и живут. А тут такая гиперактивность!

– Но ведь не бросать же на произвол судьбы разумных?! – удивился техник.

– Это по нашей этике следовало немедленно бросаться на помощь, кто бы это ни был, – хмыкнул Роман. – По этике ирби, они будут немедленно кидаться спасать только близких им по виду. Для всех остальных в их этике правила другие: надо немедленно сообщить о случившемся всем заинтересованным сторонам и свалить, ожидая, что, возможно, кто-то из спасающих обратится к ним за помощью. А тут... Не только сообщили, но и сами же полезли на роли непосредственных участников. Чуть ли не ведущих! Вот в чем необычность!

– Можно это списать на то, что они негуманоиды, – заметил кто-то из соседей, задумчиво разглядывая, как ледовый спутник, с одной стороны подсвеченный своим родным красным светилом, а с другой рассеянным излучением близкой голубой звезды, светящей сквозь туманность, наползает на диск газового гиганта, вокруг которого вращался «Пегас».

– Слабый аргумент, – заметил Роман.

– Не спорю! – отозвался собеседник.

– Вы не учитываете одно обстоятельство, коллеги, – вмешался Диренфурт. – А обстоятельство это – они знают историю нашего народа.

– И что с того? Мы, например, тоже знаем их историю, – отозвался все тот же ксенопсихолог, по-прежнему не отрывая взгляда от ледяного мирка, летящего в пространстве.

– Но у них не было, как и у остальных цивилизаций Кольца, такого явления, как Проклятые, – возразил Гюнтер. Видно было, что он сел на своего любимого конька, изготовившись долго и со вкусом обсуждать эпоху, которую он с таким увлечением изучал.

– Не согласен! – резко махнул рукой Роман. – Ведь у них же, у Темного Клана...

– ...Был Клан, который назывался «Отверженные», – прервал его Гюнтер. Его голос при этом приобрел менторские нотки. – Но в случае «Отверженных» две ветви цивилизации разошлись очень мирно. У них и близко не было того ужаса, что постиг Землю в конце Темного Тысячелетия.

– Ты считаешь, что они нашли кого-то из... – Роман вопросительно глянул на коллегу, прервав фразу на середине.

– А ты разве не анализировал язык Йос? – удивился Диренфурт.

– Да как-то руки не дошли... – немедленно проявил сильную заинтересованность Роман. Окружающие тоже оторвались от созерцания звездных далей за бортом корабля и повернулись к Диренфурту. Сам ксенопсихолог, почувствовав, что заинтересовал окружающих, даже более того – заинтриговал, выпятил грудь и с важностью заявил:

– В фундаменте их языка лежит древний англик!

Кто-то присвистнул.

– Практически наверняка... – сказал кто-то.

– Они! Без сомнения, – тут же раздался возглас.

Шум на палубе прекратился только после вскрика одного из инженеров, по-прежнему смотрящего на звезды:

– Смотрите! Появился!

Вся группа обсуждавших повернула головы в сторону иллюминаторов, мгновенно оценила происходящее и кинулась каждая к своему, жадно поглощая взорами историческое событие. Там, постепенно замедляя свой бег, блестя разноцветными бликами и отражениями окружающих звезд, вырастала громада чужого звездолета.

– До стыковки осталось двадцать минут! – раздалось по громкой связи. – Группе десантников на Йос пройти на шлюзовую палубу номер десять.

– Все, коллеги, началось! – сказал кто-то. Палуба под ногами вздрогнула. Планета в иллюминаторах неспешно поползла в сторону. Компенсаторы инерции погасили возникающие при повороте силы.

Меж тем звездолет Темного Клана снизил скорость, зависнув в десятке километров от земного собрата. С этого момента началось плавное сближение. Два огромных звездных скитальца, нацелившись носами друг на друга и зацепившись навигационными автоматами за единую ось, поплыли к точке стыковки.

Сергей, махнув на прощание рукой всем присутствующим, зашагал в сторону лифтов. Многие провожали его взглядами.

* * *

Прозрачные стены грузовой палубы давали отличный обзор. Когда Сергей пришел, группа десанта, уже успевшая собраться почти в полном составе, с интересом наблюдала за маневрами окончательного сближения двух звездолетов. Он молча подошел к остальным и стал в общий ряд. Так же тихо секундой спустя рядом встала Ситара. Они взялись за руки и так, вместе, наблюдали, как зависнувший в ста метрах от носа «Пегаса» чужой звездолет начал выдвигать толстую трубу стыковочного узла. Аналогично «Пегас» выдвинул свою.

– Кто-то должен прийти к нам с их корабля... – услышали они голос кого-то из сопровождающих.

– И кто? Не сообщили? – заинтересованно спросил еще один.

– Наш коллега... – сказал первый и тут же пояснил: – Тот, с которым ты постоянно общался.

– А! – удовлетворенно провозгласил собеседник и продолжил молча наблюдать за развитием событий.

Из этого диалога стало ясно, что подошли встречающие специалисты от ксенопсихологов.

Меж тем две стыковочные трубы беззвучно соприкоснулись и срослись, соединяя временно их миры в единое целое. Поля звездолетов тут же переплелись, согласованные искинами, стабилизируя полученную общую конструкцию. Как по команде, космодесантники подравнивали строй и выпрямились.

В трубе шлюза послышались мягкие крадущиеся шаги. И с их приближением нарастало напряжение у встречающих.

Ажиотаж встречи с иным разумом.

Такая встреча всегда бывает, как в первый раз, ведь все эти встречи разные. И всегда разумные – по-настоящему иные. Это требует изрядной доли выдержки, знаний. Даже при встречах с видами, близкими к виду *Homo Sapiens*.

А тут... Тут вид даже не теплокровный. Принципиально иной вид, нежели те, к которым привыкли люди, которые чаще встречаются. Не теплокровные разумные расы – очень редки.

Хоть каллистяне и знали, каков на вид представитель цивилизации Ирби, но одно дело – знать теоретически, а совершенно иное – встретить его глаза в глаза.

Свет на палубе померк, погружая все в коричневатые сумерки. Затемнили даже слегка внешние большие иллюминаторы, отчего сияние туманностей и близких звезд померкло. Так требовалось для комфорта прибывающего ирби. Зрение у космодесантников рефлекторно обострилось, переходя в сумеречный режим.

Ситара легонько сжала руку Сергея, подавая тем самым знак. Они переглянулись и улыбнулись друг другу. Эта встреча с иным разумом была в их практике первой. И они, естественно, волновались.

Наконец последний люк перед стыковочной палубой открылся, и они увидели гостя. Он мягко, волнообразным движением переступил порог и буквально перетек на середину свободной площадки. Будто сама ночь к ним пожаловала. Маленький клочок тьмы.

Ирби весь был невероятно черен, подобно самой глубокой и безлунной ночи. Только зрачки его глаз бликовали светом изрядно приглушенных осветительных ламп. Изящная нечеловеческая фигура производила впечатление чего-то стремительного и опасного одновременно. Но это уже говорили давно задавленные инстинкты далеких предков, боявшихся тьмы и обитателей ночи.

На человека гость мог быть похожим разве что отдаленно, поскольку был ящером.

* * *

Чем-то ирби походил на маленького тираннозавра. Разве что роста в нем было чуть больше полутора метров, да большая голова, вмещающая объемный мозг, сильно отличала его от вымерших земных ящеров. Гость держал туловище почти параллельно полу, это позволял ему сравнительно длинный хвост, которым он лениво крутил из стороны в сторону. Раскачиваясь, он огляделся, показав свою заостренную физиономию почти со всех сторон, и, придя к каким-то своим выводам, наконец-то заговорил.

– Темный клан Лисс из рода Ирби приветствует вас, земляне! – перевел автоматический переводчик, висящий у ящера на шее.

Из строя каллистян выступил капитан и, в свою очередь, поприветствовал гостя. Далее начались обязательные представления цивилизаций как таковых и прочее. Это хоть и занимало немного времени, но было строго обязательным для всех, кто вот так, впервые или не очень, встречался непосредственно. Уже с первых заочных контактов, когда более старые цивилизации Кольца обращались ко вновь найденным, только что «вышедшим в эфир», освоившим

межзвездную связь, этот протокол органично и навсегда входил в обязательный ритуал Начала Общения.

Сам по себе «протокол» встречи для представителей Великого Кольца был обговорен и утвержден так давно, что все благополучно забыли, когда это было. «Где-то у начала времен», как шутили остряки. А складывался он из самых первых контактов, которые завязывали еще не вышедшие на межзвездные просторы цивилизации, вынужденные переговариваться где-то с помощью радио, если не имели пока ничего лучшего, где посредством того, что впоследствии назвали гиперсвязью. Кто, когда, с кем встретился первым среди звезд не виртуально, а воочию, уже давно позабыто, ибо история Кольца даже по самым скромным прикидкам насчитывала около миллиарда лет. Сколько культур, рас, цивилизаций возникло, ушло или просто погибло, уже никто не знает. Слишком много их было. А ритуал остался. Он давно стал среди разумных сакральным.

В этом капитан «Пегаса» был похож на жреца, шамана древности, справляющего старый и священный ритуал перед Богами. И помогал ему в этом собрат по разуму, тоже капитан звездолета – ящер из Темного Клана Лисс рода Ирби.

* * *

Сергей стоял, слушал и наблюдал за происходящим, а сам думал о цивилизации, в которую очень скоро ему и его товарищам придется проникнуть. То, что капитан звездолета ирби прошел вот так просто на борт «Пегаса», прямо говорило о безграничном доверии между разумными Великого Кольца.

Возможно ли такое с теми? С кем-то на Йос?

Вряд ли... Другая система ценностей.

Наконец официальные представления были закончены, и два капитана перешли к делу.

Капитан звездолета ирби обернулся, и тут же через дверь шлюза шагнул еще один ящер.

– Это руководитель Проекта с нашей стороны. Проекта по спасению кластера от угрозы уничтожения, – представил капитан своего собрата. Второй ящер кивнул. Выглядели они практически одинаково, и как их различать понять было затруднительно. Помог сам новоприбывший. Он шагнул вперед, достал из кармашка на груди какой-то блестящий значок и укрепил его на своем плече.

– Вы, земляне, полагаетесь на визуальные отличия. Поэтому мы решили прибегнуть к таким знакам на форме, – пояснил он. – Все, кто будет иметь дело с вами, будут носить такие значки. Остальные – это просто члены экипажа. Пока наши корабли не уйдут в гиперрежим, вы будете бодрствовать. Дальше вас погрузят в сон для преобразования. Преобразованием и последующей связью с вами на планете-цели будут заниматься ваши специалисты под руководством наших.

«Прямолинейный товарищ, – с улыбкой подумал Сергей, слушая речь ирби, – прямо как наш командир отделения. Сразу берет быка за рога и гнет свою линию».

– Как вам уже сообщили, вы будете разделены по группам. Каждой достанется конкретный район высадки и внедрения, – продолжил ящер. – Как я вижу, вы уже поделены и стоите по тем самым группам. Это хорошо. Прошу пройти на наш корабль.

Ирби сделал жест рукой в сторону створок шлюза почти по-человечески. Его капитан кивнул и, склонив голову набок, посмотрел на своего земного коллегу. Тот тоже кивнул в ответ и обернулся к отбывающим.

– Не буду произносить длинных речей... Они тут, пожалуй, неуместны, – сказал он, глядя на застывших в строю космодесантников. – Поэтому – удачи вам всем!... И... до встречи!

* * *

После соответствующих церемоний прощания космодесантники перешли на звездолет ирби. Как обычно, посередине, где две стыковочных трубы соединялись друг с другом, царила невесомость, искусственная гравитация здесь не действовала. Сознательно была ограничена, чтобы не портить синхронизацию поля другому кораблю.

Когда спустились на палубы с нормальной гравитацией, капитан ирби распрощался с прибывшей группой каллистян и оставил их на попечение своим ученым. Те, тоже стараясь не быть назойливыми, кратко рассказали, где что находится на звездолете, что намечается в ближайшее время, и показали временные помещения для расположения каллистян. После этого предоставили тех самим себе, справедливо полагая, что им хотелось бы последние часы перед преобразованием побыть наедине со своими товарищами, оглядеться и освоиться.

Как сразу же обратили внимание каллистяне, на звездолете ирби было не в пример светлее, чем на палубе, где произошла встреча двух цивилизаций. Хоть и не горели никакие дополнительные светильники, но видно было почти как днем. Такие же большие иллюминаторы, как на «Пегасе», открывали прекрасные виды на окружающее пространство. Конечно, излучение, идущее снаружи, фильтровалось – отсекалась практически вся коротковолновая часть спектра, которая могла нанести ущерб здоровью, но весь видимый диапазон, как было очень хорошо заметно, пропускался без глушения.

Решили спросить у экипажа – всегда ли вот так у них. Ответ получили интересный.

– Конечно же, без затемнения! Мы затемняем окна только когда подходим близко к звездам. Там слишком ярко. А такой свет, как сейчас, нам приятен.

Чуть помолчав, ящер спросил:

– Надеюсь, и вам он не мешает?

Получив заверения, что не только не мешает, а тоже приятен, он удалился по своим делам. Люди между тем собрались возле иллюминаторов, чтобы проводить мир, который на несколько дней стал для них временным пристанищем. Ведь уже никогда и никто не посетит этот древнейший мир льда и красного света. И сколько миллиардов лет еще звезда, временно приютившая звездолет каллистян, вместе со своим семейством стылых планет будет носиться по космосу, пока окончательно не угаснет. По-прежнему безжизненная и такая же одинокая, как и все звезды гало.

Звездолет ирби расстыковался с земным собратом и, быстро набирая скорость, направился прочь из сферы гравитационного воздействия планеты. Промелькнула ледовая, ровная, как бильярдный шар, белая поверхность спутника. Там давно уже не шли никакие тектонические процессы и все трещины в замерзшей оболочке за миллиарды лет скитаний красного солнца надежно заплыли. Унылые миры чахлой и древней звезды медленно уходили за корму. Впереди же...

Впереди, перед носом корабля, светилась все та же пылающая туманность. До перехода в гиперрежим оставалось еще немного времени. Пока же звездолет ирби, как обычно, «став на волну» и разогнавшись до нормальной скорости ухода в двести километров в секунду, покидал систему газовой планеты-гиганта. Чуть погода слегка другим курсом, но вслед ему отправится и корабль каллистян.

Ожидавший увидеть что-то особенное и необычное на чужом звездолете Сергей с некоторым разочарованием оглядывался по сторонам. Да, планировка была несколько другой, оформление коридоров и больших помещений иным, но существенно от того же «Пегаса» не отличались.

– Что, ожидал увидеть что-то особенное? – улыбаясь, спросила Ситара, подходя к Сергею.

– Честно говоря, да... – смутился он. – Только сейчас осознал, что, в принципе, законы природы, физика – они одинаковы. Что для землян, что для ирби, что для иного какого мира, цивилизации. Но в общем... вот!

Сергей красноречиво и с показным разочарованием обвел окружающий интерьер руками.

Правда, осталось не высказанным еще одно впечатление. Но при хозяевах было бы не совсем тактичным говорить, что каллистяне не испытали какого-либо стеснения или дискомфорта при общении с видом, полностью чуждым им. Да, поначалу, возникло что-то такое, выплывшее из глубин генетической памяти, – страх перед тьмой и существами ночи. Но он быстро ушел, сменившись жгучим любопытством, характерным для любого высококультурного представителя звездной цивилизации.

Ирби и каллистяне были очень разными, но их объединял разум и многотысячелетний опыт общения миров Великого Кольца.

– А вообще, здесь красиво, – заметила Ситара. – У них есть свое чувство прекрасного. Но оно и для нас близко. Заметил орнаменты на стенах коридоров?

– Да, почти как у нас, – подтвердил Сергей и повернулся к звездам за окном. Там широкий бок газового гиганта все дальше уходил назад, словно скользя над горящими всеми цветами радуги перьями окружающих туманностей. Их свет заливал палубу, играя отблесками на стенах, узорчатом полу и потолке.

– А они, хоть и темные, не чураются красоты космоса, – заметил Сергей, оглядываясь по сторонам. – Яркий свет ближних звезд не заглушен.

– Может, это потому, что они изначально дети тьмы, ночи и эти небеса для них тоже что-то значат? Не меньше, а больше, чем для нас?

– Вы правы в своем предположении, коллега! – услышали они сзади мягкий голос. Когда же обернулись, то увидели рядом не человека, а ящера. Коммуникатор-переводчик того явно читал напрямую из мозга, раз они не слышали характерный щелкающий язык ирби. И действительно, на голове его было видно некое устройство, похожее на обруч. Когда ящер снова заговорил, то подтвердил не только то, что сказал ранее, но и догадку космодезантиков-каллистян: его рот не открывался.

– Для нас действительно небеса ночи изначально значили гораздо больше, чем дневные. Небеса чистой ночи у нас означают мудрость, мир и покой. А прочие оттенки небес – их бесконечное разнообразие. Эти новые небеса иных пространств породили в свое время множество философских и религиозных течений. И мы находим в этом особое удовольствие.

Сейчас, когда ксенопсихолог ирби стоял рядом на палубе с неприглушенным освещением, можно было внимательно его рассмотреть. В яростном свете голубых гигантов и раскаленных туманностей хозяева звездолета выглядели совершенно по-иному. Если в сумраке они смотрелись как клочок тьмы, то здесь было видно, что шкура у них не черная, а темно-коричневая, покрытая мелкой чешуей, матово поблескивающей в свете звезд. Черными были их одежды, плотно облегающие тела.

– Нам... пора? – чуть замаявшись, спросила Ситара у ксенопсихолога.

– Когда перейдем на гиперрежим, – развел руками тот. – Но пока можете побыть здесь. Я пришел показать вам, кому в какую дверь пройти... Ведь уже скоро, – извиняющимся тоном добавил он и быстро показал то, что требовалось. Каллистяне кивнули. Ирби еще раз качнул головой в ответ и перешел к следующей группе людей.

Наконец по коридорам разнесся тревожный сигнал. Сначала на языке ирби, а потом и на земном было дано предупреждение: скоро скачок. Переход в гиперпространство. К этому времени планета-гигант уже съежилась до размера маленького разноцветного шарика, окруженного рассыпанным жемчужным ожерельем ледовых спутников. Было ясно, что вот-вот граница

сферы ее гравитационного воздействия останется позади, и звездолету можно будет без риска серьезных искажений гнуть пространство.

Ситара внезапно вцепилась в руку Сергея. Они повернулись лицом друг к другу, понимая, что, возможно, это последняя их встреча в жизни. Долго без слов смотрели друг другу в глаза, не решаясь расстаться.

– Обещай, что выживешь! – вдруг жестким тоном сказала Ситара.

– Обещаю! – дрогнувшим голосом вымолвил Сергей.

– Поклянись! – не менее серьезно потребовала она.

На него смотрела уже не смуглая девочка из счастливой солнечной Индии, а Снежная Королева.

– Клянусь выжить! – таким же ледяным тоном, как у Ситары, пообещал Сергей. Он сказал это, но в самой глубине души не был уверен, что сможет. Космодесантник хотел, чтобы получилось. Чтобы снова встретиться со своей Звездочкой после того, как этот кризис рассосется. Но как можно заранее загадывать в таких условиях?! Информация, которую они имели, расчеты возможных линий развития событий, с которыми их познакомили перед встречей кораблей, прямо говорили, что на благополучный исход дела шансов мало. А это означало и то, что для них – для многих из них – данная операция станет последней. В жизни.

– Ты обещал! – заявила все та же Снежная Королева.

– И ты клянись! – вдруг сорвавшимся голосом потребовал Сергей.

На секунду сквозь маску Снежной Королевы проглянуло, как солнце сквозь тучи, личико беззащитной девочки, но тут же исчезло.

– Клянусь.

Ситара судорожно кивнула и резко отвернулась. Через секунду она бежала прочь.

Такой Сергей и запомнил ее. Строгой, гордой, стройной и ослепительно красивой. В волосах девушки запутались туманности, а в глазах отражались звезды.

Часть 2. Пробуждение Зверя

Йос. 25 829 световых лет от Прародины, 11 602 от Каллисто. Школа

Через открытое окно кухни по саду распространялся изумительный аромат. Тетушка Кончита погасила плиту и вышла на порог. Пора созывать семейство Гонсалесов на обед. Особое приглашение нужно было сделать Диего: с оболтуса вполне станется забыть об обеде. Опять замечается, а потом ищи его.

Она глянула на деревья, под деревья, но искомого отрока не обнаружила.

– Диего!

Нет ответа.

– Диего!!!

Нет ответа.

– Да куда же подевался этот лентяй?!

Тетушка всплеснула руками и еще раз внимательно осмотрела сад.

– Куда-куда... – ворчливо ответил ей супруг, выворачивая из-за угла сарая. – По бабам наверняка пошел, стервец!

– По бабам?! – строго спросила тетушка и уперла руки в бока. – Ему еще школу закончить надо, а не по бабам шляться! Это все твоё воспитание, кобель старый!

– Зато какой мачо вырос, Кончита! Этот уж точно не пропадет! – весело заявил старый фермер и шлепнул супругу пониже спины.

– Не пропадет, если мозги будут! – продолжала гнуть свое та.

– Так ведь есть! – притворно расширив глаза, заявил дядюшка. – Ведь в бабах-то он уже разбирается! – тут же добавил он и, увернувшись от тяжелой длани жены, со смехом проследовал в дом.

– Отдельно этого балбеса кормить не буду! Пускай вовремя является! – с угрозой завела тетушка, но была тут же прервана восклицанием Хуана из дома.

– Да вот же он, Кончита! В столовой! – картинно произнес старый фермер, указывая на сидящего за столом и сияющего как начищенный пятак Диего.

– Я же говорил, что мозги у парня есть! – продолжил он балагурить. – Сразу понял, зачем зовут, и как истинный солдат – в первых рядах... В столовой!

– Опять через окно залез?! – тоном прокурора заявила Кончита, остановившись на пороге. Диего виновато поежился, ясным взором созерцая грозную тетушку. – А через двери, как все нормальные люди, пройти – что не позволяет?

Новое виноватое пожатие плечами.

– Ты хоть руки помыл, остопоп? – начала сдаваться тетушка Кончита, глядя на умильно виноватую физиономию воспитанника.

На этот раз кивание с энтузиазмом. Кончита махнула на «остопопа» рукой и принялась накрывать на стол. Слегка успокоившийся дядюшка нет-нет, да и поглядывал лукаво на Диего, предвкушая целенаправленные расспросы, которым он парня скоро подвергнет.

«Спецы ирби говорили, что надо вжиться в роль, – думал Сергей, наблюдая эту семейную идиллию. – Да, люди, которые будут опекать дома, – не люди, а их копии. Информационные копии, пересаженные на основу биороботов, сделанных неотличимыми для поверхностного исследования от обыкновенного человека. Настоящие дядя Хуан и тетя Кончита спят в

анабиозе на звездолете Темного Клана. Так же, как и настоящий парнишка по имени Диего, в детстве потерявший родителей».

Диего-Сергей никак не мог привыкнуть к этому. Тем не менее, даже если такому «человеку», как сейчас живущие с ним, сказать, что он не человек, – не поверит. Ведь биороботы обладали памятью, а также темпераментом, манерой поведения и прочими психическими и физическими особенностями оригиналов. За исключением, правда, здоровья – здоровья у этих биоинформационных копий было хоть отбавляй, что гарантировало от неприятностей, связанных с возможной безвременной кончиной тех, кто должен был на первых порах содержать «кукушат» и помогать им встать на ноги. Были, конечно, и серьезные отличия этих копий от оригиналов. Но они вскрылись бы только при детальном, тщательном и целенаправленном обследовании, что являлось маловероятным событием.

– И где тебя уже два часа черти носят? – перешла на другую тему тетушка, внося судки с обедом.

– Да по бабам он шляется! – снова завел свою любимую пластинку Хуан. Диего же покраснел, на что заметивший это дядя разразился удовлетворенным хохотом. Парень действительно шарахался последние часы именно «по бабам». Несколько не по своей воле, но... «по бабам».

Это стало для него неожиданностью.

Можно было подумать, что почти все девчонки школы, в которой он учится, вдруг свихнулись на идее его заарканить. Он долго гадал, чем это вызвано. Сначала подумал на то, что случилось в первый день его пребывания на Йос...

* * *

Стоял такой же теплый весенний день, один из первых, приходящих на смену холодам. После легкого дождя пахло мокрым асфальтом, влажной землей клумб, еще не покрывшихся цветами. Солнце сверкало в лужах и в каждой капельке, застывшей на ветвях еще безлистных деревьев. Асфальтовая сырость весело чавкала под подошвами кроссовок идущего пружинящим шагом Диего.

Такая погода навевала приподнятое, по-настоящему весеннее настроение. В благодушном состоянии Диего-Сергей по привычке, выработанной еще прежним Диего, свернул в неприметный проход между домами. Яркий свет дня тут же сменился полумраком грязного и захламленного узкого прохода между двумя многоэтажками, стоящими почти вплотную друг к другу. Пахло тут уже совершенно по-другому – гнилью и застоявшейся сыростью.

Узкий коридор между улицами был забит каким-то мусором, бачками, пустыми ящиками, кое-где сложенными в штабеля. На одном из штабелей разномастной гирляндой сидело целое стадо бродячих кошек. Те проводили Диего настороженным взглядом и принялись за свое чисто весеннее дело – выяснение кто круче. Пока только переглядывались, но ясно было, что вот-вот мрачная подворотня огласится звуками кошачьей драки. Возможно, эта весенняя кошачья эпидемия была заразна, так как, пройдя еще метров двадцать, Диего остановила внезапно появившаяся из какой-то щели группа ровесников.

Они вышли нагло, с предвкушением ухмыляясь, многозначительно разминая пальцы. Диего, по всей видимости, не представлялся им трудной добычей. Наоборот – мальчиком для битья. А подражаться этим балбесам явно сильно хотелось. Да и «совместить приятное с полезным» им представлялось весьма уместным – подтвердить свои «лидерские» полномочия в школе, показав одному из «рабов» его место. И не важно, что рабство запрещено двести лет назад, что все латинос давно считаются равными членами общества. Тем не менее, останки расистских убеждений, особенно среди мажоров, были весьма распространены.

А мальчики как раз принадлежали если не к мажорам – среди них затесался Джонни, сын одного из самых богатых людей города, – то к их прихвостням. Возможно, сам Джонни тут был

только для «веса». Тем более что он к «развлечениям» школьной шпаны относился без должного энтузиазма. По крайней мере, именно энтузиазма ждали от него те, кто постоянно волочился за ним и заглядывал в рот. Как-никак сын очень богатого бизнесмена, имевший в личной собственности небольшой вертолет, подаренный отцом на день рождения, которым он ужасно гордился и бахвалился. А во дворе дома – огромный бассейн, не меньше, чем в столице штата, во дворце спорта. Там самом, где регулярно проходили федеральные спортивные состязания.

Но сейчас четверо парней заступили дорогу Диего и явно что-то замыслили. По нагло ухмыляющимся лицам было видно, что недоброе.

Пошарив в памяти реципиента, Сергей понял – сейчас будут бить. Жестко. Не за какую-то провинность, а за то, что он латинос, «раб». Первая мысль, промелькнувшая в голове сразу же, как только он их увидел, оказалась правильной.

Каллистиянина передернуло. Хотя он и был космодесантником, готовым к любому развитию ситуации, но перспектива оказаться на одном уровне с обезьянами покорила. При подготовке к десанту на Йос в него, при записи психомаски, вбили необходимые знания по системам боя с оружием и без. Оптимизированные. Универсальные. Переведенные, как водится, на уровень условного рефлекса.

Рефлексы тут же переключили его в положение полной готовности. Ноги как бы сами собой слегка согнулись в коленях, каблуки еле заметно оторвались от грязного асфальта. Сергей слегка оттянул лямку сумки с книжками, висящей на плече, и вопросительно, не враждебно посмотрел на заступивших дорогу балбесов. Очень не хотелось ему начинать спасательную операцию на Йос вот с такого, сугубо обезьяньего, способа установления авторитета. Неожиданно вперед выступил Джонни.

– Что, собака, не ждал нас здесь? – нагло и вызывающе заговорил он.

– И что вам от меня нужно? – нейтральным тоном поинтересовался Диего-Сергей.

– Проучить тебя нужно! Чтобы знал свое собачье место! – тут же подхватил Гарри, дружок Джонни, из-за спины предводителя. Похоже, того перед дракой «накачали» злостью. Сказали, видимо, что если он не побьет Диего, то не видать ему почтения ни от кого. Дал бы в морду этому «установителю стандартов крутости», и на этом дело бы и закончилось. Нет же... напали вчетвером на одного. Причем на такого, кто очень редко мог дать сдачи. Сергей с сожалением выудил этот прискорбный факт из памяти Диего. Но сейчас перед ними стоял не некий беззащитный латинос, а земной космодесантник в шкуре того, специально подготовленный к любым неприятностям, которые могли приключиться в его миссии на Йос. Впрочем, нападавшие этого нюанса не знали, отчего вели себя вызывающе и максимально оскорбительно. Считали, что это сойдет им с рук безнаказанно. Очень зря.

Сергей хмыкнул в ответ на посыпавшиеся на него оскорбления и сделал первый скользящий шаг вперед. Навстречу. Необходимо было раз и навсегда отбить у великовозрастных придурков охоту делать из Диего козла отпущения. Мирок Йос был диким. Не зря отмечалось, что местные жители сильно отстали в культурном развитии. Придется культуру этим дуболомам вбивать в мозги кулаками.

«Добро должно быть с кулаками»? Да? Так вот и напомним им что должно быть с кулаками и для чего», – с мрачным предвкушением подумал Сергей и довольно дерзко ответил Джонни.

Его ответ настолько поразил наглостью и витиеватостью всех четверых, что они на некоторое время впали в ступор.

Сергей ведь не зря происходил из чистокровных русских, поэтому, ни разу не повторившись в ругательствах, он обложил идиотов так, чтобы они долго «обтекали». Прошелся в своем монологе и по их качествам – физическим, психическим, моральным. Не забыл пропесочить ближайших и пнуть дальних родственников. Причем говорил все это с апломбом гуру, вдалбливающего тупой пастве элементарные и непреложные истины. Говорил, как гвозди заколачивал, от чего вся четверка пригибалась с каждым новым сказанным словом. Беда хулиганов была

еще и в том, что Сергей много в ругательствах сказал и правдивого, действительно водившегося за каждым из балбесов. Но говорилось это так, что причиняло особо сильную боль. Было видно, что они с такими словесными атаками имеют дело впервые. Нападавшие ошалели. И так же, как у всех, впервые столкнувшихся с подобным, разум у них помутился от злости.

Пока они выходили из ступора и их глаза дружно наливались кровью, Диего-Сергей меланхолично отбросил на ближайший ящик сумку, чтобы не мешала (можно было использовать в драке и ее, но это был бы уже перебор – слишком много чести для убогих).

Сумка была еще в падении, когда Джонни дико заревел и бросился в атаку. Так как Диего именно этого и ожидал, то опередил того на долю секунды и ударил ногой. Джонни просто смело. Смело и стоявшего за ним Гарри. Пока они барахтались в грязи, пытаясь подняться, каллистиянин жестко разделался с двумя стоявшими по бокам. Метнулся, имитируя нападение на одного, но ударил другого. Встречный удар смел нападающего, только ботинки в воздухе мелькнули, когда он перелетал через ящики. Затем Диего разделался с оставшимся на ногах последним.

Дальше драка превратилась в банальное избивание. Диего лупил тех, кто успевал подняться на ноги. Причем из ему одному известных соображений старался каждому залепить кулаком под правый глаз. Лупил так эффективно, что нападавшие даже руками взмахнуть не успевали, как снова уже летели на землю.

Через минуту все было кончено. Тех, кто все-таки смог подняться после избивания и остался на ногах, не успел заползти за мусорные бачки, спасаясь от точных и жестких ударов всегдашнего козла отпущения, превратившегося неожиданно во льва, он гнал квартала два. Когда Диего-Сергей вернулся к месту побоища, спрятавшихся и след простыл.

Брошенную сумку он нашел там же, где она упала, – на небольшом штабеле ящиков. К его возвращению на ней сидел наглый кошок и умывал свою расцарапанную морду. Видно, тоже драться пришлось. На приближение Диего он среагировал неохотно – перестал мыть свою побитую в боях харю и мрачно посмотрел на хозяина сумки. Только когда Диего протянул руку, он лениво слез с сумки и перепрыгнул на соседний ящик.

Было очевидно, что неудавшиеся «ку-клукс-клановцы» не рискнули трогать сумку, ощутив на себе тяжесть кулаков Диего. Поняли, что если попробуют сделать подлость – получат добавку. Неизбежно. И, возможно, еще более жестко.

* * *

На первый урок все четверо не пришли. И причина была очевидна – слишком сильно Диего извалял их в грязи переулка. Пришлось ретироваться домой и отмываться. Когда же они появились, то были похожи друг на друга, как братья-близнецы: отекавшие лица, разбитые опухшие носы и одинаковые синяки на всю правую глазницу.

От этого зрелища окосел не только родной класс, но и другие. Всем стало ясно, что чертей им всыпал кто-то один, – слишком уж «почерк», если его можно так назвать, на лицах был одинаков. А то, что побитыми оказались самые отъявленные хулиганы школы, только добавляло случившемуся интриги. На осторожные попытки расспросить пострадавших, что произошло и кто их так разукрасил, четверо побитых отвечали руганью и зуботычинами. Впрочем, особо зоркие подметили, что слишком уж красноречивые взгляды они бросали в сторону Диего, старательно поддерживающего постное выражение лица.

Так как особо наблюдательных среди парней почти не было – они в основном смотрели на синяки и опухшие злобные лица бывших альфа-самцов, – то разбор интриги переместился в девчачью компанию. Больше всех развила активность Карменсита, известная своим острым язычком и ветреным поведением. Она не постеснялась подкатиться со своей обворожительной улыбкой и расспросами к самому Диего.

– А чо?! Чо я?! Я клянусь! Я им зубы не выбивал! Точно! – прикинулся дурачком тот, но Кармен тут же сделала чисто свои – и верные – выводы, которые не замедлила довести до сведения не только своих подруг, но и всех знакомых из соседних классов. Уже через полчаса от невероятной новости бурлила вся школа. Четверка же пострадавших, бессильно скрипя целыми пока зубами, металась по коридорам, пытаясь хоть чуть-чуть задержать распространение порочающих слухов. Но от этого лишь подогревала ажиотаж и подтверждала в глазах других их истинность. Через час слух оброс невероятными подробностями, а через два достиг уха папаши Дюка.

Папаша Дюк был суровым человеком – отставным полковником, подрабатывающим в школе преподаванием философии. Еще он заведовал дисциплинарной комиссией, являясь руководителем группы отморозков, следящих за дисциплиной на территории школы. Впрочем, следящих – это громко сказано. На самом деле многие из них под крышей респектабельной конторы промышляли мелким гоп-стопом, обирая учеников младших классов. Или откровенно нарывались на драки, зная, что по-настоящему отпора не встретят. Ибо «при исполнении» и «всегда правы».

Были среди них и патологически честные, кто действительно следил за дисциплиной, разнимал драки и вообще старался предотвращать мелкие правонарушения, на которые, как правило, школьники всегда горазды. Эти-то честные и пользовались особым расположением и доверием полковника. Все-таки он, как бы ни лгала о нем молва, был достаточно умным человеком и в людях разбирался.

Известие, что Диего в хлам отметелил четверых главных драчунов школы, папаша Дюк встретил с сильным недоверием.

– Ты сам видел? – строго спросил он у доносчика, причем так, что до того дошел смысл подтекста: «Если лжешь, то хреново тебе, братец, придется». К вопросу он присовокупил свой коронный полковничий тяжелый взгляд, отчего подхалим тут же почувствовал сильную слабость в коленках. Поэтому решил уйти от прямого ответа.

– Я видел Джонни, Гарри и его друзей... – сказал он и показал руками: – Морды у них – во!

– Я спрашивал, видел ли ты лично, что именно Диего им образину попортил?

– Н-нет, – промямлил тот, – но все говорят, что это Диего...

– То есть слух, – хмыкнул полковник. – И кто его распространяет? Тернер? Ибаньес? Мак Дугал?.. Или, может, Салли Донован?

– Все перечисленные... – покраснел доносчик.

– Все ясно! – отрезал «папа Дюк», и лицо его стало еще более булыжным, нежели всегда. – Ты свободен! – бросил он.

Ученик на плохо гнущихся ногах уполз из его кабинета.

– Пригласи ко мне всех четверых... хм... страдальцев! – рявкнул ему вслед полковник. С удовлетворением услышав за закрывшейся дверью удаляющийся топот ученика, кинувшегося исполнять указание начальства, он поднялся из кресла и подошел к зеркалу. Поправил и без того идеально сидящий на нем костюм, затем с удивлением принялся размышлять о допущенной ошибке.

Ну никак невзрачный Диего не походил на громилу. Что-то в этом всем было не так. Либо распространители слухов что-то напутали, либо тут некая интрига, которую следует раскусить побыстрее. А то еще бедного парня со свету сживут. Затравят. Возможно, доведут до суицида. В его школе такое нельзя было допускать. Раз уж взялся сделать ее образцовой в штате, так придется разбираться.

«Кстати! Ибаньес! – подумал папаша Дюк, глядя на себя в зеркало. – А не эта ли стерва завела интрижку? С нее станется. Умная и мстительная. Учится на «отлично», имеет прилич-

ные навыки стратегического мышления. Но чем ей так досадил этот лузер-латинос, что она решила его подставить?.. Впрочем, она сама тоже латинос... Чуть какая-то!»

В дверь осторожно постучали. Полковник скользнул за стол и рывкнул: «Войдите!»

В комнату нехотя вошли четверо учеников. Выстроились в ряд перед столом и дружно понурили головы. Лица у всех были действительно сильно опухшие. И синяки, как доложили, у каждого под правым глазом. Полковник хмыкнул, рассматривая столь феерическую картину, побарабанил пальцами по столешнице и, наконец, задал прямой вопрос:

– Какого черта вам понадобилось это устраивать?

Все то же мрачное и виноватое молчание. Побитые, чувствуя свою вину, боялись даже пикнуть. Полковник выбрал заводилу компании и принялся давить на него. Тот, несмотря на то что стоял за всеми проделками компании, был самым слабым и трусливым.

– Гарри! – резко рывкнул полковник. Тот дернулся и с испугом посмотрел на главу дисциплинарной комиссии. – Когда тебе пришла в голову эта мысль? Отвечай!

– Это не я... – проблеял Гарри, пытаясь снять с себя ответственность.

– Тогда кто? Джонни?

Тот вздрогнул, и на его побитом лице, несмотря на то, что оно изрядно опухло, нарисовалось возмущение. Возмущение было чистым, без примеси страха – следовательно, это тоже не он. Но так как Джонни был слишком примитивен и простодушен, полковник начал давить уже на него.

– Джонни. Ты из добропорядочной семьи. Ни разу не замеченной в расистских настроениях.

Джонни побледнел, отчего даже синяк на глазу вдруг стал еще более фиолетовым. Он даже вытянулся, протестуя против сказанного.

– Ты знаешь, что Конгресс постановил последним решением всемерно искоренять заразу расизма. У нас общий враг – ксены! И мы должны сплотиться против этого врага. Ты кричал вчера в коридоре, что «всем обезьянам надо знать свое место»?

Джонни побледнел еще больше.

– Я... я не имел в виду...

Джонни явно сообразил, что будет с бизнесом отца, если это выплывет. И что после этого будет с ним самим. Отец за такие «шалости» его по стенам размажет.

– Ты хочешь сказать, что не имел в виду конкретно никого из?.. – продолжил «папа Дюк». Судорожный кивок...

– Даже Диего? – иезуитски спросил полковник и прищурился.

– Но сэр! – вдруг вмешался Гарри. – Он сам нас обзывал разными словами!

– И за это вы решили его поколотить?

– Но сэр! Он нас оскорбил!

– Да?! – мягко, с издевкой спросил полковник. – А дайка я угадаю, что было перед этим: вы решили его изловить и побить... И все потому, что этот парнишка как раз и является той «обезьяной», про которую Джонни орал вчера в коридоре... Так?..

Все четверо хулиганов дружно pokrылись холодной испариной. А хуже всего пришлось Джонни. Он только здесь и сейчас понял, в какое дерьмо вляпался, поддавшись на провокации дружков. Если в то время, как Йос готовится к отражению агрессии ксенов, вдруг обнаружится, что некто разжигал рознь среди своих... Тогда за них возьмется Комиссия по... ну, совершенно не дисциплинарным делам и совершенно не школьная... а федеральная... короче – каюк! Кампания идет. А они внезапно оказались тем самым «характерным примером»...

Да уж! Какова ирония судьбы! Держали Диего за козла отпущения, а оказались на его месте сами. Причем не просто так... а на неизмеримо более высоком уровне и более серьезно.

Примерно так думали Джонни с подельниками, пока их разглядывал полковник, внутренне насмехаясь над ними. Трясущиеся от страха молодые идиоты даже не подозревали, что

в той самой Комиссии расистов гораздо больше, чем где-либо. Что в случае вынесения этого случая на Комиссию будет принято во внимание как раз то, что хулиганы – отпрыски весьма уважаемых семей в городе и штате (последнее – про Джонни). А Диего – всего лишь сын зачуханного фермера.

Но просвещать идиотов полковник не нанимался, у него совершенно другая цель – и он ее добьется. И всякие обращения в федеральную Комиссию по борьбе с экстремизмом тут только во вред.

Тем временем можно было констатировать, что провокация сработала отлично. Эти простачки до таких высот политики не добирались. У них ныне мозги были заточены только на драки и девочек, а не на детали «Гранд-Флита» местного разлива. Особенно у простачка Джонни. А раз так – думая, что спасают от серьезной опасности свои шкурки, молодые дураки наперебой выложили полковнику все, что ему было нужно. Сохраняя внешне прокурорский вид, а внутренне удивляясь, он понял, что большинство из сообщенного осведомителями оказалось правдой. Действительно Диего. И действительно один.

Страдальцы ввали, будто латинос привел против них целую толпу, но по глазам было видно, что лгут. Гарри вон чуть глаза не вывихнул, кося на сторону, рассказывая «каких горилл Диего привел». К тому же – ну не был тихоня Диего лидером, способным собрать в этом сонном городке толпу отморозков, описанную побитыми хулиганами. То, что он побил всех четверых один, – очевидно.

Ухмыльнувшись своим мыслям и подивившись резкому превращению зайца во льва, полковник резко оборвал словоизвержение отчаянно оправдывающихся учеников.

В паре коротких фраз вывел их на чистую воду, поставил перед фактом великого позора и с презрением выгнал за дверь. Логический капкан захлопнулся. С одной стороны, эти балбесы не могли сказать во всеуслышание, что всех четверых победил один Диего, да еще и без посторонней помощи. С другой, возможность повтора попытки избиения была перекрыта страхом, что их выставят на «экстрим-комиссию». А в условиях почти начавшейся войны... По головке не погладят.

Вообще ситуация, в которую попали подростки, была примитивной: заставить компанию самим выложить то, что было нужно полковнику. В принципе, в этой схеме папа Дюк мог вообще не называть имя Диего. Сами бы назвали.

* * *

Кармен застала Диего в библиотеке. И это место было самым последним, где она его ожидала встретить. Парень преспокойно листал одну из книг, громоздящихся двумя внушительными стопками у него на столе.

Было бы ничего, если бы они были сборниками комиксов, но уже издали Кармен заметила, что на корешках – сплошь названия трудов по истории. Удивление ее оказалось настолько велико, что с девушки мгновенно слетел тщательно поддерживаемый гламурный имидж. Глаза расширились, рот приоткрылся.

Сообразив, что стоя на пороге читального зала с перекошенным лицом и отвисшей челюстью, она выглядит как настоящая дура, Кармен поспешно взяла себя в руки и, «распушив хвост», то есть, приняв самый обворожительный вид и громко цокая каблучками туфелек для привлечения внимания, двинулась по направлению к столу, за которым сидела ее цель.

Немногочисленные завсегдатаи читального зала, привлеченные этим агрессивным цоканьем, поднимали глаза и застывали в изумлении, провожая Кармен восхищенными взглядами. Только Диего, как ни в чем не бывало продолжал листать свои книги.

Подойдя вплотную и обворожительно улыбаясь, Кармен остановилась, ожидая, когда этот балбес обратит на нее свое низменное внимание. Однако минуты шли, а ничего не менялось.

Страницы листались, как и прежде, а взор Диего прочно был прикован к тексту.

– И зачем ты листаешь эти книжки? Картинки смотришь? – наконец нарушила молчание Кармен, чтобы хоть как-то привлечь его внимание.

– Нет. Читаю, – мимолетно взглянув в ее сторону, ответил Диего.

– Да не надо обманывать! Кто же так читает – просто листая? – возмутилась она.

– Я быстро читаю, – невозмутимо пояснил Диего.

– Так быстро, что на страницу у тебя уходит секунд двадцать?

– Ну... я же внимательно читаю! – по-прежнему не поднимая глаз на крутящуюся перед ним Кармен, сказал Диего, все так же уткнувшись в книгу.

– Хочешь сказать, что если бы не внимательно читал, то уходило бы секунды две?

– Пять, – поправил ее Диего, упорно сканируя текст толстого научного труда по древнейшей истории.

– Врешь! – больше удивилась, чем возмутилась Кармен. Она по-прежнему воспринимала его поведение, как очередную уловку в заигрывании. Видимо, мальчик распустил перья и решил пустить пыль в глаза, но не силой похвастался, а скоротчением. Девушка никогда не только не видела, но и не слышала, чтобы кто-то так быстро умел читать. Поэтому и была уверена, что Диего «заливает», включившись в ее обычную игру с заигрыванием.

– Хочешь проверить? – саркастически спросил парень, старательно не замечая источающую феромоны Кармен.

– А как же! Ты врешь, и я это докажу! – решительно заявила она, выхватывая первую попавшуюся книгу из стопки.

– Вот здесь. Даю пять... нет, десять секунд, а после ты перескажешь содержание страницы.

Она решительно открыла наугад книгу где-то посередине, ткнула в страницу и сунула ее под нос Диего. Через пять секунд он отдал книгу назад и почти слово в слово пересказал содержание.

– Ты ее уже читал! – с недоверием заявила Кармен.

– Нет, не читал, – возразил парень спокойным голосом и наконец-то поднял взгляд на собеседницу. Девушка нахмурилась, считая, что он проделал некий фокус, и она на него попала. Она даже забыла, зачем затеяла всю эту игру.

Жгучий интерес к Диего, который он разжег у нее, да и у большинства кумушек, несколько поутих, сменившись на обиду: как это она, такая опытная в охмурении парней, да попала на какую-то дешевую уловку?!

Кармен сита уперлась кулаком в стол и строго посмотрела на Диего, как старая гримза – учительница по химии. Но встретила ясный, незамутненный взгляд, совсем не такой, что обычно бросали на красавицу парни, которых она раньше окручивала. Не было в этом взгляде того, что зубоскалы называли «глаза, налитые спермой».

Ничего такого. Просто мягкий интерес. И некая странная тень. Тень... похожая на превосходство.

Это ее взбесило, но виду девушка не подала, поставив перед собой уже совершенно точно и определенно цель завоевать этого... зарвавшегося выскочку? Нет, что-то не так! Сломать такое... что она перед собой видела... Это что-то совершенно иное. Она втянула в себя воздух... и забыла, как дышать, внезапно осознав, что впервые в жизни попала сама!

Диего оказался не то, чтобы тем, кого называли «парень не прост». Все было намного... сложнее, что-ли? Он содержал в себе столько загадок, сколько не набралось бы во всех осталь-

ных вместе взятых парнях, которых Кармен перебрала за последние два года, как перчатки в магазине.

И все началось с того, что он в одиночку побил компанию Джонни. Тогда Диего вызвал лишь мимолетный интерес, позже, однако, переросший в настоящую манию, а потом и в натуральную охоту.

Было бы еще ничего, если бы этот мальчик просто бил морды всем, кто ранее считался сильнейшим драчуном в школе. Но ведь он умудрился преуспеть и в учебе!

Обычно было что-то одно: либо ученик имеет крепкие кулаки, но слабые мозги, либо сильные мозги, но его все бьют. Но не то и другое вместе! Рассудительность у Диего также проявилась в том, что он каким-то образом умудрился проскочить мимо элементарных ловушек-интрижек, устроенных некоторыми девицами из окружения Кармен. Проскочил походя. С легкой ухмылочкой.

Нельзя сказать, что он их не заметил. Если бы не заметил, то вляпался бы. А тут... Легкое пожатие плечами, достойный ответ совершенно перпендикулярного свойства, разрушающий все построения и... и ничего!

Понаблюдав за тем, как сели в лужу ее подружки, Кармен поняла, что если она теперь не «покажет класс», то потеряет весь свой авторитет. Это и заставило ее «выйти на тропу войны».

Подошла девушка к этому вопросу со всей тщательностью. Но для того, чтобы начать «боевые действия», необходимо было найти Диего. А он оказался почему-то по-настоящему неуловим.

Очень скоро охота поставила ее в тупик, так как в обычных местах, где его можно было бы найти, как она думала, Диего практически никогда не появлялся. Ни в баре для старшеклассников, ни на дискотеке, ни на бейсбольной площадке, где всегда ошивалось почти полшколы. Иногда он мелькал то в коридорах, то на спортплощадке, где чаще всего либо бегал, либо основательно тренировался.

Гоняться в открытую за своей целью было бы со стороны Кармен чересчур, и она пыталась перехватить парня где-нибудь в обычных для старшеклассников местах. Но ей это никак удавалось.

Она попробовала проанализировать поведение Диего за последнее время, но и это ей почти ничего не дало. По той причине, что, находясь в «табели о рангах» школьников ближе к самому низу, раньше он у нее не вызывал никакого интереса. Так что воспоминаний было маловато. И тем не менее...

Вообще поведение Диего каким-то странным образом резко изменилось. Он стал как бы «не от мира сего», так как совершенно не укладывался в привычные стандарты, под которые вольно или невольно подстраивались школьники. Это заметили практически все. Диего внезапно вырвался из ниши середняка-лузера, где находилась почти половина ученического контингента, и стал неким волком-одиночкой.

Он не сближался ни с кем, кто обычно привлекает таких «волков». Ни с лузерами, подчиняя их себе и создавая свою банду. Ни с соперниками из сильнейшей группировки, которые, надо отметить, не раз подкатывались к нему с откровенными предложениями. Наоборот, он внезапно вспылал необъяснимой любовью к защите тех, кто находился на самом дне звериного детского сообщества. Причем предпочтения у него были, с точки зрения остальных, весьма странные.

Многие полагали, наблюдая со стороны, и Кармен тут была не исключение, что из этих «донных отложений» Диего станет сколачивать себе хор подхалимов. Но они все фундаментально ошиблись.

Действительно, по понятиям, которыми жили здешние подростки, из того «материала», который собрал вокруг себя Диего, ничего, кроме хора подхалимов, создать было невозможно, так как эти мальчики и девочки не обладали никакими не то что выдающимися, но даже крайне

средними физическими достоинствами. Они не были сильными, не были ловкими. Они не были красивыми. Но что-то в этой небольшой компании детей было такое, что сильно отличало их от остальных.

Кармен была наблюдательна. Она почувствовала это отличие, но оно оказалось настолько выбивающимся из обычных подростковых стандартов «крутости», что постоянно ускользало от понимания. Это добавило интриги, делая Диего и его компанию ходячей загадкой. Тем более что, даже пристально приглядевшись, нельзя было сказать, что он делает из лузеров тот самый, привычный для всех «хор подхалимов». Почему-то все в окружении Диего общались на равных. И это выглядело настолько необычно, что у Кармен и ее подруг слов не находилось.

Да, у Кармен имелась своя «группировка», как и у каждой мало-мальски яркой личности в среде школьников. И состояла она, как и везде, из тех, кто готов был подчиняться, греясь в лучах славы первой красавицы... и первой стервы школы. А последним качеством она гордилась. Именно оно давало ей возможность согнуть в бараний рог и заставить ползать в грязи любого, даже самого сильного самца из окружающего контингента парней.

«Красота – страшная сила!» – любила она повторять в компании своих стервочек. А так как красотой ни одна из ее «подружек» до Кармен не дотягивала – так же, как и умом, – то помыкала она ими как хотела. И первое, что девушка сделала, – это нацелила «подруг» на сбор подробнейшей информации о Диего.

Получив такое задание от предводительницы, девочки поняли лишь то, что Кармен наконец-то наигралась с очередным ухажером и теперь ищет новую жертву. И жертва эта – новая звезда школы, Диего Гонсалес.

Внаглую подойти при всех и начать заигрывать – принципы не позволяли. Ведь это означало бы, что не он, а она волочитесь... Да и ранее именно парни подкатывались к ней, а не она к ним. Поэтому Кармен решила подстроить так, чтобы он сам к ней «подкатился», для чего нужно было, как минимум, оказаться в ситуации, когда ему бы этого захотелось. А значит, требовалось, чтобы обычного табуна жеребцов, который часто волочился за красавицей, и близко не было. Только он и она.

А тогда уж Кармен своего не упустит.

Но и в этом вопросе девушка потерпела фиаско. Диего, ко всему прочему, оказался непредсказуем, имея какую-то свою, непостижимую логику поведения. Она настолько сильно отличалась от обычной мальчишечьей, что ставила в тупик.

Наконец, плюнув в сердцах на этого «дикого Диего», Кармен решила слегка развеяться. Отдохнуть. А отдохнуть душой и телом можно было только в том месте, которое по своему статусу не предполагало заигрываний.

И она отправилась в библиотеку.

Выбрала книжку поинтересней, отправилась в читальный зал... И попала!

Собирательница черепов и Свидетели Исхода

Диего-Сергей, смотрел снизу вверх на Кармен и думал, как бы от этой стервочки избавиться, да еще не запачкать себя и свое имя.

Вполне понятно, что она решила поддержать свою славу «собирательницы черепов» за его счет. Иначе какого черта она бы вообще пришла в библиотеку и вот так нагло при всех стала мешать заниматься делом.

А дело было настолько жгуче интересным, что он готов был довольно невежливо послать дрянную девчонку куда подальше. Каллистиянин целых два месяца подбирался к этой теме, старательно выстраивая «алиби» своего неожиданно «быстрого взлета», чтобы его успехи могли быть объяснены в глазах окружающих естественными причинами. Он напоказ тренировался на спортплощадке, напоказ назойливо интересовался у учителей их предметами, хотя все это, естественно, и так знал на уровне лучшей профессуры местного университета.

Имитировать любопытного ученика оказалось неизмеримо тяжелее и сложнее, нежели просто учиться. Ведь, чтобы не выдать своих действительных знаний, приходилось исключительно аккуратно составлять план «любопытства», а после ему столь же аккуратно следовать. Наконец, создав-таки ореол «ранее скрытого вундеркинда»⁶, он добрался до самого интересного – истории Йос. Здесь его интерес и вопросы учителю истории были уже непритворными. И когда Диего-Сергей добился от учителя подробного списка литературы, он немедленно кинулся в библиотеку.

Конечно, местная библиотека не была настолько богата на книги по истории, как, например, университетская библиотека штата. Но и тут имелось такое, от чего у Сергея глаза расширились от вполне объяснимой в среде космодесантников алчности к знаниям.

«Даже у нас потеряна информация о тех временах... – восторженно думал он, с еле сдерживаемым нетерпением листая редко читаемые здесь книги. – О воистину последних временах Старого Мира, конце Темных Веков. Оказывается, все было гораздо хуже, чем даже в самых откровенных из сохранившихся свидетельствах. Хуже, подлее, гнуснее».

Сергей вчитывался в свидетельства, которые здесь, на Йос, даже не старались как-то маскировать. В свидетельствах того времени от имени этой цивилизации сквозил даже эдакий кураж подлости: «Вот посмотрите, как мы красиво развели и кинули этих лохов!».

Да, действительно, сюда предки этих людей попали через «Врата». Данная технология практически у всех цивилизаций, почти доросших до уровня установки контактов по Великому Кольцу, была первой.

Тогда, больше тысячи лет назад, цивилизация англов довела до жуткой катастрофы весь мир. Экологический, экономический и политический кризис слились в единое, всеобщее бедствие, стремительно выкашивавшее миллионы людей по всей планете.

И вот в этих условиях англы объявили о проекте колонизации иных звездных систем – проекте постройки «Врат», – обещая забрать все выжившее после эпидемий и войн человечество к звездам.

На время войны были остановлены. Слегка придавив бушевавшие эпидемии, несколько крупнейших конфедераций принялись за разработку технологий, позволяющих проколоть пространство и вывести людей туда, где они, возможно, спасутся от Сверхкатастрофы. Были приостановлены проекты по освоению мертвых планет и космоса, ведь успех проекта «Врат» сулил сразу решить все неразрешимые проблемы, стоявшие перед землянами.

Изгаженная и истерзанная Земля уже не могла держать на себе людей и убивала их. Впрочем, люди сами себя убивали.

⁶ Что, кстати, довольно часто встречается среди подростков, но не часто замечается учителями. (Прим. автора)

Тем, что отравили промышленными и бытовыми отходами, войнами свою же собственную среду обитания.

Англы предлагали найти другую среду обитания вместо того, чтобы попытаться как-то исправить уже испорченную или же построить новую на Марсе. Как оно водится, кто-то что-то заподозрил. Возможно, произошла утечка информации о действительных намерениях элиты так называемого Западного блока. И почти в финале работ над «Вратами» начали вспыхивать восстания. Поднялся вал террористических актов.

Элита группы стран, которая вела проект постройки «Звездных врат», начала, в свою очередь, войну с теми, кто пытался остановить его.

Несмотря на сильнейшее сопротивление по всей Земле, около Юпитера была построена исполинская установка с несколькими комплексами мощнейших на тот момент термоядерных электростанций. Началось строительство флотилии колонизационных кораблей. Каждое из государств, участвовавших в проекте, строило свои корабли, включая их в общую армаду.

Сергей обратил внимание, что в хрониках вообще не было никаких упоминаний о русской цивилизации. Из сохранившегося с тех тысячелетий, известно, что как раз русские не стали строить свою флотилию, отказавшись участвовать в проекте «Врат», а занялись терраформированием и колонизацией Марса. Не остановил их и шквал насмешек со стороны стран, рассчитывавших на уход в Новый Мир. Русских объявили «мегалузерами» за их «неспособность встроиться в мировой процесс и явную технологическую отсталость». Ведь звездолеты строить они отказались наотрез, упорствуя в совершенствовании имевшихся планетолетов для облегчения путешествий в пределах Солнечной Системы.

Но потом началась завершающая фаза.

По хроникам Йос это выглядело так. Умудрившиеся купить билеты люди начали перемещаться на висающие на геостационаре корабли, уходящие к звездной колонии. В то же самое время на Земле вспыхнуло массовое восстание против уходящих. В руки к повстанцам попало ядерное оружие, и они попытались сорвать отлет звездных колонистов. В ответ те нанесли серию ядерных ударов по восставшим городам.

Тогда же потерялась одна из разведывательных миссий, отправившаяся на двух звездолетах на разведку перспективного мира. По неизвестным причинам канал схлопнулся до того, как они успели вернуться, и поисковики остались в системе, которую разведывали. Попытка повторно пробить канал туда же закончилась неудачей. Через некоторое время стало ясно, что пробой осуществляется совершенно случайным образом и в совершенно случайные области пространства.

Исходя из чисто геометрических свойств Вселенной, выходы всегда были возле массивных небесных тел. То есть там, где кривизна пространства оказывалась больше определенного предела. Как правило, это были нормальные звезды. Но попадались даже черные дыры, а то и нейтронные звезды. Белые, красные, черные карлики, оставшиеся после схлопывания отживших свой век звезд.

Внезапно стало ясно, что переход в Новый Мир – билет в один конец. Обрато вернуться будет невозможно. И те, кто останется, уже не смогут попасть в тот мир, который изберет Его Величество Случай.

Невозможно, так как звезд, до которых способна открыть проход установка «Звездных врат» – сотни миллиардов.

Также вскоре стало ясно, что большинство населения Земли не согласно с участью, на которую его обрекли – остаться один на один с проблемами, порожденными проклятой англосаксонской цивилизацией в погоне за превосходством, за роскошью. Но этот скрытый смысл Диего-Сергей заметил «между строк», уж слишком сильно веяло им от описания последовавшего.

Восстания на Земле слились в сплошную полосу. Уже не помогали даже атомные бомбардировки. Диверсии и саботаж на заводах стали основательно тормозить работы по эвакуации. Те, кто считал, что их тоже возьмут, сцепились с теми, кто убежден был в том, что их бросят.

А затем те самые «мегалузеры» вдруг сделали какую-то «мегаподлость»... Именно этой самой «мегаподлостью» далее объяснялись мотивы поведения уходящих. Одно из объяснений: якобы злодеи попытались взорвать Врата до того, как пройдет флотилия беглецов. И Врата действительно оказались взорваны.

Но осталась одна загадка: слишком уж этот взрыв случился «вовремя»...

Вскоре обнаружили звезду с пригодной для жизни планетой, которые позже назвали Сан и Йос. Начался переход и...

Врата были уничтожены. Перед очередной флотилией. Проход закрылся. Создавалось такое впечатление, что кому-то очень не хотелось допустить в систему Саны именно ту самую флотилию.

Колонисты начали оседать на планете. Каждая нация облюбовала свой кусок суши, благо эти куски были довольно многочисленны в океанах планеты. Прибывшие первыми англо-американцы заняли, естественно, лучшую территорию.

Остальным досталось то, что досталось. И ясное дело, поначалу все были несказанно рады тому, что под ними чистая земля. Еще не изгаженная. Но время шло. Росли города, росла промышленность. И постепенно все вернулось к прежнему. Не прошло и нескольких десятков лет с начала освоения планеты...

Колонисты быстро разделились на множество враждебных кланов, групп, наций и принялись за привычное для них дело – войну. И эта война уже здесь, в девственно чистом мире, очень быстро довела до упадка и дикости некогда могущественных представителей цивилизаций Земли.

Диего-Сергей дошел как раз до самого интересного – начала подъема всего этого крысятника к утерянным высотам науки, культуры и технологий. А тут подкатывается Кармен со своей манией «собираения черепов». Да так пристала, что не отвертишься.

«Ну что же, раз она так хочет, «соберем» ее «череп»!» – подумал Диего-Сергей и внутренне усмехнулся.

* * *

Каллистянин отложил книгу и уже внимательно осмотрел Кармен. Она, почувствовав, что на нее наконец-то обратили внимание, тут же начала обворожительно улыбаться и крутиться, показывая себя.

Диего-Сергей сделал вид, что на него это подействовало. Но тут же, внутренне усмехаясь, сравнил ее с Ситарой и пришел к выводу, что рядом с его Звездной Девой эта стервочка смотрится исключительно бледно. Хотя в уме стервозной девице отказать было сложно. Слишком уж многоходовые комбинации по охмурению она проводила. Сейчас было ясно, что нечто подобное проворачивается и в отношении его самого.

Поддаться – нельзя. Игнорировать – тоже. Иначе запишут в сексменьшинства, и доставать начнут уже некие томные личности из них. А это во сто крат более противно. Поэтому... Перехватить и переиграть – надо.

Диего мгновенно переключился в режим «мачо» и сам слегка «помахал хвостиком». Дежурные комплименты, сказанные вовремя и соответствовавшие действительности, подействовали как надо.

Даже разговаривая почти шепотом, молодые люди очень хорошо были слышны в зале. Уже через минуту некий старый хрен с сильным раздражением сделал им замечание.

Остальные сидящие в зале заулыбались и заухмылялись, подумав каждый о своем. Одни мысленно насмеялись над сделавшим замечание, отнеся его к категории старых завистников, в принципе не способных удостоиться внимания такой красотицы, как Кармен. Другие сами завидовали Диего, так как не к ним, а именно к этому «тупому фермеру» она подкатила. Они не обладали недостатком старого хрыча – отсутствием молодости, но очевидность того, что не на них, а «вот на этого» обратила внимание Карменсита, изрядно их уязвила.

Также замечание хрыча внезапно показало самой Кармен, что она опять оказалась в центре внимания всех присутствующих мужчин. Но контекст этого внимания ей очень сильно не понравился.

Она наконец-то сообразила, насколько странно смотрится ее подход и разговор с Диего. И простым любопытством ее поведение здесь объяснить было бы очень сложно. Выглядело так, словно Кармен, отойдя от своих прежних принципов, сама решила закадрить вот этого симпатичного мальчика. Случись в библиотеке какая-то из кумушек, не обошлось бы без порции изрядно ядовитых слухов и комментариев.

Спас положение, как ни удивительно, Диего. Хоть и пришлось обоим резко понизить голос. Он вдруг обратил внимание на книгу, которую держала в руках Карменсита и, похоже, совершенно про нее забыла. А книжка была, так же, как и литература на столе у Диего – далеко не женским романом. И далеко «не для средних умов». Книга называлась «Числа Фибоначчи. Свойства и теоремы».

Вообще удивительно, что подобная литература оказалась в этой заштатной библиотеке. Вероятно, это был тот случай, когда некий меценат решил сделать что-то в рамках общей программы «повышения грамотности и уровня образования», профинансировал издание и закупку таких вот книжек для провинциальных библиотек. Однако также удивительно оказалось то, что ее решила взять почитать Кармен. Простым чтивом для развлечения тупых подростков это было трудно назвать.

Диего, совершенно не лукавя, изобразил на лице удивление и указал на нее.

– Ты интересуешься числами Фибоначчи?

Кармен ступсевалась, не зная, как реагировать на это. По ее стандартам «правильности», со стороны она выглядит проигрышно. Предвзятые могли сказать, что взяла Карменсита эту книжку, лишь бы иметь возможность под благовидным предлогом прорваться в читальный зал библиотеки и прицепиться к Диего.

Что не являлось истиной. Она взяла ее именно для того, чтобы читать. А Диего, оказавшийся здесь, в читальном зале, стал для девушки полной неожиданностью.

– А ты хоть знаешь, что это? – не нашла спросить ничего другого Карменсита, подумав, что Диего это ляпнул для поддержания разговора.

– Конечно! – Без тени сомнения и как-то просто сказал он, еще более сбив с толку девушку. – Ты это в рамках программирования интересуешься? Или более широко?..

– Более широко, хотя не понимаю как ты вообще...

– ...мог знать, что такое эти самые числа и разбираться в этом вопросе? – поддел ее Диего. Не дав ей опомниться, тут же предложил:

– Если что не ясно, могу помочь разобраться!

Кармен тут уже злость разобрала. Она-то думала, что научная литература такого уровня интересует только ее. Что она и только она является самой умной и образованной в этой школе и городишке. А оказывается, «сиволапый фермер» разбирается лучше нее, раз предлагает помощь.

«Впрочем, почему это разбирается? Скорее всего, цену набивает! Врет и не краснеет. Одно дело – историю читать, но совершенно другое – теория чисел в математике. Тут мозги надо иметь далеко не средние», – со злостью подумала девушка.

Глянув на совершенно спокойную позу и ясный, ничем не замутненный взор Диего, решила раз и навсегда «разобраться с этим выскочкой», ткнув его носом в то, что далеко не все имеет уровень сложности сбора редиски на грядке. Она сузила глаза, решительно взялась за книгу и открыла ее на той самой странице, которую в прошлый раз так и не смогла осилить.

– Хорошо, – лукаво улыбаясь, сказала Кармен. – Объясни мне вот это...

Диего взял в руки открытую книжку, быстро пробежался по тексту и тут же потянулся за чистым листом.

– Ну, тут просто пропущена часть вывода, – сказал он, нацеливаясь ручкой на бумагу. – Это обычная практика в научной литературе. Если тут стоит что-то типа: «Далее мы со всей очевидностью получим следующее», – то следует пропуск длинных выкладок, которые, подразумевается, читающий и сам легко сделает.

Эта тирада сбила кураж с Кармен уже окончательно. Это настолько сильно выходило за рамки обычных завиральных диалогов ее жертв!.. Ведь действительно, когда такое предъявлялось, подобные «знатоки» тут же начинали юлить, отбредиваясь комплиментами и похвалами ее уму, стараясь уйти от прямого ответа.

Тут же даже и намек на уход не было – прямой ответ. Осталось лишь удостовериться, что мальчик не врет. Она заинтересованно зашла за спину Диего и уставилась на листок. Тот быстро набросал недостающий вывод, и было видно, что он действительно соображает в том, что говорит. И соображает не в пример лучше Кармен, если она в прошлый раз тут споткнулась, а он так легко все это объяснил.

Кармен нервно сгребла листок и еще раз внимательно пробежалась по выводу. Все было правильно. Изящно, точно и, как в ином учебнике, вполне доступно.

Удивление оказалось настолько сильным, что она молча подтащила поближе к Диего стул, решительно села рядом и принялась пытаться понять того другими непонятыми фрагментами. Она и думать забыла про то, что замышляла совершенно недавно. Даже учителя не могли объяснить то, что так легко объяснял Диего, и Кармен, отбросив всякие комплексы, беззастенчиво эксплуатировала бесплатного консультанта по сложным вопросам. Она знала, что изучив эти математические дебри, на ближайшем конкурсе программистов вполне сможет получить фору, которая выведет ее на первое место. А это не только престиж.

Присутствующие в читальном зале, прислушиваясь к диалогу этих двоих, буквально ошалели. Если бы они не видели, что это сидят и разговаривают два подростка, то можно было бы подумать, что сцепились два преподавателя. Причем уровня как минимум МТИ или Калтеха.

Окосел и «старпер», сделавший им замечание. Он в жизни не предполагал, что в одном городе можно встретить двух личностей такого плана. Причем уровня, встречающегося разве что раз в год на всю страну. А он был как раз одним из преподавателей университета. Он внимательно и уже совершенно иначе взглянул на воркующую на математические темы парочку и тщательно запечатлел в памяти их лица. Заполучить их себе на факультет было бы очень престижно. И, естественно, дало бы очень большие преференции в будущем.

Возможно, для «изначального» Диего, которого заменил Сергей, данная тема и была бы запредельно сложной и заумной. Но дело в том, что космодесантник отлично в таких вещах разбирался, поскольку они изучались во всех школах его родного Каллисто. Да еще и последующее обучение в Академии звездоплавания дало ему уровень, которым обладали далеко не все профессора самых элитных университетов Йос.

Однако Карменита этих подробностей, разумеется, не знала и не могла о них даже подозревать. В ее глазах Диего внезапно превратился в эдакого скрытого до недавнего времени или сознательно скрывавшегося гения.

И последнее тоже легко было объяснимо. Ведь всех, кто умнее, в школе не только шпыняли, а часто организовывали настоящие кампании травли. Ведь они, тщательно развивая мозги, естественно, жертвовали другой стороной развития – физической силой.

А дураки, не имея способностей в интеллектуальной области, все свое свободное время посвящали накачке мышц и тренировке в кулачных боях. И только гений мог существенно подняться в физическом плане, посвящая много времени на накачивание мышц, так как его гениальность позволяла быстро и легко разбираться в том, на что другие тратили многие часы. Вот эти лишние часы Диего наверняка и тратил на то, чтобы не отстать от всяческих хулиганов в ловкости и силе. Это стало вполне логичным объяснением для Карменситы.

Сергей-Диего же просто нагло воспользовался преимуществом, которое имел изначально, попав в этот мир. Для него наблюдать за поведением Кармен стало удовольствием. Ее стремительная смена масок в иное время и в ином месте могла бы повлечь за собой насмешки и розыгрыши с его стороны. Но в данный момент это было неуместным.

Отказ от плана «закадрить» Диего-Сергея объяснялся просто и буквально был крупными буквами написан у девушки на лице. У Кармен сработал хорошо развитый хватательный рефлекс: если кто-то забесплатно, на халяву, готов дополнительно объяснить учебный материал, что у преподавателей стоит довольно дорого, то почему бы не поэксплуатировать простофилю?

Но когда небольшая по объему книжка все-таки закончилась, Карменсита тут же переключилась в свой любимый режим «роковой дамы». Диего-Сергей лукаво взглянул на нее, с сожалением бросил взгляд на стопку недочитанных исторических хроник и пришел к выводу, что сегодня обстановка складывается не в их пользу.

– Предлагаю перебраться в «Салун Дяди Джо». Он ближайший, – предложил он в ответ на игры Кармен. – А то мы тут своей болтовней мешаем.

Он выразительно кивнул на остальную публику.

Когда молодые люди прошли на выход, «старпер» подхватился и рысью кинулся за ними. Дождавшись, когда они наконец-то сдадут книги и выйдут, старый профессор осторожно выяснил имена и фамилии этой парочки, после чего, довольный, отправился пить кофе в ближайшее кафе.

Для Кармен и Диего остаток дня пролетел незаметно. Каждый получил свое удовольствие от общения.

Ветер звезд

То, что у Кармен завелся очередной ухажер, заметили все и сразу. Прежние, отвергнутые, помня жесткость кулаков Диего, не посмели вмешиваться и пытаться отомстить.

То, что красавица теперь гуляет не с кем-то из них, а именно с побившим их Диего, стало вторым унижением за последние два месяца. Впрочем, не ушла от внимания и странность их взаимоотношений. Со стороны Диего не было, как водилось прежде за другими, ни самоунижения, ни бахвальства типа «вот я с кем гуляю!», ни попыток грубо подчинить себе Кармен. Это были взаимоотношения равных, причем такой характер отношений исподволь насаждался самим Диего.

Кармен не сразу это заметила, но приняла. Тем не менее, сильно удивилась такой своей податливости. Ведь ранее она не терпела никаких поползновений ни на равенство в общении, ни на подчинение ее другим. Было что-то такое в Диего, что задавало рамки: либо как равный, либо никак. Удивление быстро перешло в возмущение. Но по здравому размышлению, наблюдая, как Диего общается с другими, она пришла к выводу, что открытое сопротивление станет ее поражением. И что более обидно – признанием поражения. Она сразу почувствовала, что перед ней не тот человек, который потерпит грубое помыкание собой в стиле ее прежних ухажеров.

Странный парень даже с учителями общался с этой своей, какой-то странной гордостью. Не унижающей собеседника, но ставящей его наравне с ним. Некоторым учителям это не нравилось, но с такими и сам Диего сводил общение к минимуму. И это было дополнительным аргументом в глазах Карменситы против попыток грубо подчинить его.

Еще более удивительным явлением оказалась его компания.

С самых первых дней близкого знакомства Диего с Кармен он познакомил ее и со своим окружением. Случилось это так же, как и ранее в библиотеке – неожиданно. На этот раз – в коридорах школы.

Она, как всегда с другими своими ухажерами, напоказ ворковала одновременно с подружками и Диего, который со скучающей миной созерцал ее личный «серпентарий». Окружение Кармен ему явно чем-то сильно не нравилось. И совсем не потому, что он оказался в центре внимания.

Причина была в чем-то другом. Да и самой Кармен сильно не нравились отношения, сложившиеся между ними буквально сразу после того, как она начала «боевые действия» по охмурению. Даже в этом он умудрялся сильно отличаться от остальных ее жертв. Да и не вел себя как жертва.

Почему-то Диего постоянно держал дистанцию. И в общении, и в положении. Все ее попытки сблизиться, зацепить с треском провалились. Ни одна уловка, так хорошо и безотказно срабатывавшая на других парнях, на него не действовала.

Так и сейчас Диего отгородился безучастностью от кампании, окружившей Карменситу, и постоянно поглядывал куда-то вдаль, словно искал или ждал кого-то.

В этот день Диего изначально выглядел каким-то мечтательным. Видно было, что у него приподнятое настроение. А тут, среди сверстников, он вдруг отстранился от всех.

Причина выпрыгнула из толпы неожиданно.

Возле Диего нарисовалась некая малявка из младших классов и, пританцовывая, поприветствовала его. Он тут же вышел из своего самоуглубленного состояния и очень живо поприветствовал ее в ответ. Немедленно как из воздуха вокруг него сконденсировалась компания разновозрастных учеников, напрочь отсекая парня от Кармен и ее вздорной компании юных кобров.

Увидев это, девушка сообразила, что Диего стоял тут больше не из-за нее, а из-за вот этих вот...

«Змеюшник», всегда тонко чувствующий нюансы взаимоотношений между людьми, тоже наострил уши.

Кармен поняла, что тут, в этом коридоре, прямо сейчас ее репутация абсолютной победительницы сердец парней дала глубокую трещину. Диего даже близко не выглядел восторженным воздыхателем, кидающимся на каждого, кто бросит косой взгляд на его спутницу, и остро переживающим из-за того, что его пассия вдруг на время потеряла к нему интерес и переключилась на каких-то вздорных кумушек. Оказывается, есть еще личности, которым нужно нечто иное, нежели выглядеть среди всяких прочих победителем в паре с самой красивой на мордашку и фигурку девочкой.

– Диего, Диего, привет! – все так же пританцовывая, вопила малолетка, быстро собирая вокруг себя маленькую толпу ребят.

– Мы пришли тебе сказать что-то очень интересное! – начала издалека заводная малявка. Диего, поздоровавшись с остальными подошедшими, тут же переключил внимание на заводилу. Та, поняв, что все ее наконец-то слушают, разразилась новостью:

– В эту ночь, впервые в этом году, расцветает колокольчик-ночесветка! Он всегда расцветает в полнолуние!

– Это будет интересно? – задал встречный вопрос Диего.

– И очень красиво! – тут же подтвердила малявка.

– Тогда нам обязательно надо это посмотреть! – с энтузиазмом поддержал он, переключившись на обсуждение предложения.

Глядя на эту странную компанию, Кармен невольно сравнила ее со своим окружением. Сравнение оказалось не в пользу юных стерв.

Может впервые она ощутила, что окружают ее не просто не равные ей. Окружают ее те, в ком есть надлом. В ком поселилось зло, ныне источаемое по капле. Ядовитой, убийственной. Те, кто почувствовал в Кармен некую силу, в тени которой можно спрятаться или, наоборот, к которой можно примазаться. В каждой из коброчек сидела эта неуверенность в себе, время от времени прорывавшаяся наружу выплесками яда по отношению к окружающим.

Те, что стояли сейчас вокруг Диего, выглядели совершенно иначе. Спокойная, отстраненная от всего уверенность – вот как можно было охарактеризовать ощущение, которым веяло от них.

Может быть, они чувствовали себя так уверенно под защитой сильной руки Диего? Возможно... Но ореол, который буквально сопровождал эту компанию, не мог быть объяснен только безопасностью.

...И от них веяло теплом.

Это тепло притягивало. Как будто во время зимних холодов, бредя по стылому лесу, вдруг видишь далекий отблеск костра, слышишь говор друзей, готовых тебя принять, обогреть, напоить горячим чаем.

И Кармен невольно потянулась к ним, поскольку прежняя компания внезапно показалась ей бесконечно далекой, хоть она и чувствовала себя в ее среде Богиней. Но богиней, парящей в холодных высях, неспособной опуститься туда, где по-настоящему тепло. И не одиноко. А она была именно одинокой среди этой толпы молодых змеек.

Тепло и Свет... Это было как наваждение.

Кармен упрямо встряхнула головой, отгоняя шальные мысли. Нацепила привычную маску небожительницы и решительно шагнула к обсуждающей предстоящее приключение компании, не забыв жестом разогнать своих кумушек. Те порскнули в разные стороны, чтобы, отойдя на приличное расстояние, тем не менее, продолжать наблюдать за происходящим.

Заметив непрошенную гостью, компания затихла и вопросительно на нее уставилась. Кармен ощутила, что атмосфера здесь не слишком к ней дружелюбна. Все отдавали себе отчет в том, кем она себя обозначила в местном школьном сообществе и каковы ее обычные цели.

– Что обсуждаете?! – вызывающе спросила Карменсита, давая понять, что она тут главная и вообще имеет претензии на Диего. Последнее она продемонстрировала тем, что вплотную подошла к нему и взяла под руку.

– Звездный ветер... – как-то странно и неопределенно ответил один из присутствующих парней, отличавшийся от остальных постоянным ношением очков.

– А что это? – спросила сбитая с толку Кармен.

– А ты поймешь? – холодно и с вызовом задала встречный вопрос малявка.

– Да уж не дура! – не менее вызывающе ответила девушка и добавила: – В отличие от некоторых.

– Все-таки не поймет, – как утверждение заявил другой присутствующий парнишка, с насмешкой разглядывая хорохорящуюся «богиню».

Диего хрюкнул в кулак, но вмешиваться не стал.

– Точно! Не поймет, – поддержала его соседка, еще одна девочка из средних классов, и тоже ухмыльнулась.

– А вы попытайтесь! – также вызывающе сказала Карменсита.

– Может, и поймет, – нарочито скептически заметил очкарик, – если показать.

– Так покажите! – не почувствовав в запале капкана, бросила Кармен и вопросительно посмотрела на Диего. Тот в свою очередь обвел взглядом компанию. Те же – кто плечами пожал, кто рукой махнул, сознавая, что позвать или не позвать свою «типа-пассию» – целиком проблема их предводителя.

– Хочешь пойти с нами? – после переглядывания с товарищами вежливо задал вопрос Диего. Карменсита даже задохнулась от такого. Предполагалось, что это он, как все другие парни ранее, должен умолять ее пойти вечером погулять. А тут: «Не хочешь ли ты пойти с нами»! Причем высказано в тоне, будто он и его компания делают ей (ей!!!) великое одолжение.

Девушка осознала, что сама попалась в капкан логики этой перепалки. Вопрос Диего в контексте беседы был закономерен. Прежние ее парни, памятуя о стервозности Карменситы и не будучи уверены в утвердительном ответе, всегда спешно начинали ее упрашивать, упуская возможность поинтересоваться ее желанием.

Так было всегда. И так должно было быть, чтобы вечно утверждать ее превосходство. А тут... одной совершенно нейтральной фразой ей показали ее место.

Поначалу Кармен страстно захотелось наорать на этого неотесанного фермера и, плюнув на все, уйти. Но она сообразила, что если так сделает, да еще и на глазах у своих стервочек, то это будет крахом ее репутации. Поэтому, помявшись для приличия и заглушив в себе рвавшуюся наружу злость, она дала согласие.

* * *

К вечеру Карменсита почти забыла о своей злости на Диего. Да еще и когда настало время идти на свидание, желание охмурять тоже куда-то делось. Остался лишь какой-то неприятный осадок в душе, неясное ощущение, что она что-то делает не так и это «не так» очень фундаментально. Пока девушка металась по комнате, пытаясь разобраться в самой себе, солнце наконец-то село за дальние горы, оставив на небе напоследок пылающие облака.

Так ни к какому выводу и не придя, Кармен накинула на плечи легкую куртку и отправилась к месту встречи.

На улицах было сравнительно пустынно. Где-то зажигались фонари, где-то играла в баре музыка. Пару раз по дороге пролетела автомашина. А в общем вечер был такой же, как и всегда: тихий, весенний, почти летний. И скучный.

– Пр-ивет!!!

Карменсита резко остановилась и посмотрела под ноги. Там, ослепительно улыбаясь, стояла все та же малявка, которую она видела в школе.

– Тебя Кармен зовут? – глядя на девушку снизу вверх, строго задала вопрос малявка.

– Ты и так знаешь, – вяло отмахнулась от нее та. – Тебя-то как звать?

– Меня Люси зовут, а вот на прямые вопросы надо прямо отвечать! – все так же резко сказала малявка, не переставая улыбаться. От этого не было понятно, шутит она так или говорит серьезно.

– Ух, какая ты грозная! – ернически заметила Кармен. – На прокурора тренируешься? Или папа у тебя судья?

– У меня дядя – окружной прокурор! – все тем же тоном заявила малявка, что несколько охладило пыл Карменситы. Она как раз собиралась пройти по ее родственникам.

– Тогда понятно. А то я подумала, что это вас Диего так научил.

– Диего у нас сам по себе. Он хороший.

– Потому, что он вас не бьет?

– А почему это Диего должен нас бить? – удивилась Люси. – Он добрый! И вообще... С ним интересно.

– А ты не боишься, что он, наигравшись, бросит вас? И не будет вам интересно. Или я скажу тут одним... и побьют они Диего.

– За что?! – возмутилась малявка. – Он же тебя не обижает!

– А может мне не нравится, как он поступает со мной! – вызывающе заявила Кармен.

– Ты странная! И вообще! Ты нашего Диего не обижай! – грозно сказала Люси. Видно она с самого начала это хотела сказать Кармен, но разговор пошел не туда, куда она планировала, и малявка поспешила высказаться.

– Да уж, такого обидишь! Сам кого угодно... – ухмыльнулась Кармен.

– Все равно! – строго настаивала Люси.

– А я не люблю, когда со мной играют! – продолжала гнуть свою линию девушка, на что получила еще более странный ответ:

– Он не играет. Он всегда такой. И если ты его не понимаешь – значит, ты играешь. А он нет.

Вообще, еще древние сказали: устами младенца глаголет истина. Карменсита внезапно осознала, что именно пыталась она понять весь день: несоответствие между тем, как поступал Диего, и тем, как она воспринимала его поступки, больше всего ее смущало.

– Так не бывает... – мрачно буркнула Карменсита.

– А у нас БЫВАЕТ! – с вызовом сказала Люси. – У нас все такие.

– Так уж и все? – недоверчиво спросила девушка.

– Ничего, увидишь сама! – махнула рукой малявка и, развернувшись, заспешила вперед. Кармен, пожав плечами, потащила следом.

Через пару минут показались трое ребят из компании Диего, стоявшие у ворот гаража особняка. Они о чем-то увлеченно разговаривали, но когда подошли Люси с Карменситой, смущенно замолчали.

– О! Все в сборе! – услышали они из-за спины. К ним быстрым шагом приближался Диего с кем-то из взрослых.

Когда они подошли, оказалось, что это отец Шарли, одной из присутствующих девочек.

– Люси, а почему твой отец не захотел с нами поехать? Ведь будет интересно, – вдруг спросил давешний очкарик. Та раздраженно отмахнулась.

– Сэм, он заявил, что все это чепуха и пустая трата времени. Ему бейсбольный матч интереснее – вот такой он у меня.

– Каждому свое! – философски заметил отец Шарли, открывая ворота гаража. – Я же с удовольствием съезжу. Вы, ребята, очень хорошо придумали с этим ночным пикником.

– Э-э, сэр... – вдруг спросил один из ожидающих, – а как мы все в машине поместимся? Может, мне стоило свою...

– Сейчас Линда еще приедет... А вот и она!

Из-за угла показалась еще одна машина и затормозила у ожидающей компании. Ребяшня быстро распределилась по машинам, и ночное путешествие началось.

Пока ехали, закат совсем догорел и на небо высыпали звезды. Окончательно проявился Краб – огромная туманность, как гигантская разноцветная клякса, раскинувшаяся по небу, а из-за гор выкатилась полная луна.

Краб был настолько яркой туманностью в этом районе галактики, что смотрелся как бледная тень на небосводе даже при свете дня. Иногда его можно было спутать с большим облаком, зависшим в небе. И только ночью он проявлялся во всей своей красе, так как становился виден целиком, а не только центральная его часть, действительно похожая на краба.

Примерно через полчаса езды обе машины свернули на грунтовую дорогу, ведущую на взгорок, и еще через несколько минут выехали на обширные поляны, раскинувшиеся на склонах местных гор. Проехав еще чуть-чуть и почти уткнувшись бамперами в кустарник, машины остановились и погасили огни.

Звезды и туманности, казалось, от этого засияли еще сильнее, залив местность своим светом. Краб отразился в зеркальной глади реки далеко к югу, от чего весь пейзаж приобрел совершенно сказочный вид.

Диего-Сергей так же заворуженно, как и остальные, смотрел на небо. Ему вся эта небесная феерия была вдвойне любопытнее. Хоть и видел все это вблизи из иллюминаторов звездолета, но здесь, на планете, этот вид был еще более загадочным и манящим.

Тихо подошла Кармен и по-хозяйски уцепилась за локоть Диего, при этом не переставая смотреть на звезды. Ее тоже заворужила красота. Да что там, девушка и представить не могла, что привычное небо может быть настолько красивым.

– У нас в городе все это забивает свет фонарей! – как заправский гид ответила на невысказанный вопрос Люси.

– Здорово-то как! – не найдя ничего лучшего, воскликнул Сэм-очкарик.

– А почему они... – спросила спустя несколько минут созерцания Линда и повела рукой в сторону луга. Луг же был как луг: просто трава под светом луны, туманностей и близкого рукава галактики, раскинувшегося аркой от горизонта до горизонта.

Ответ последовал спустя изрядный период всеобщего молчания. Ответила все та же Люси.

– Подождите, сейчас... Сейчас ветер подует.

И действительно, легкое дуновение ветерка с реки преобразило всю округу. Словно волна лунного света прокатилась через луг. Это засияли всеми оттенками – от сиреневого до синего – тысячи колокольчиков-ночесветок. Будто их коснулось дыхание луны, неба, дыхание самих звезд.

И навстречу звездам небесным из травы, заколыхавшейся от ветра, поднялись тысячи звезд-искорок. Это жучки-светлячки, разбуженные первыми ласковыми прикосновениями наступающего лета, взлетели в небо, чтобы сплести свой первый воздушный танец в свете звезд и лунных колокольчиков.

Звездная метель светлячков поднялась выше голов зачарованно наблюдающих за этим волшебной красоты явлением детей и опала вниз, выстраиваясь в миллионы лет назад сформированный узор.

Завороженная зрелищем Линда присела и протянула руку к светящимся соцветиям.

– Не надо их рвать. От этого они гаснут. Пусть сияют под звездами. Так будет хорошо, – остановила ее Люси. Линда, повинувшись пожеланию, лишь осторожно дотронулась до стебельков со светящимися колокольчиками. Светлячок сел ей на ладонь и деловито стал выписывать восьмерки, решив, что и на этой поверхности тоже можно свершить свой извечный танец. Линда поднесла ладонь к лицу, чтобы лучше рассмотреть его, но тот сорвался и полетел в тучу своих собратьев.

Ребята разбрелись по лугу.

Родители Шарли, выразив пожелание, чтобы никто далеко не разбрёдался, вместе с дочерью отправились в обход цветущих лугов.

Диего-Сергей двинулся к обрыву, с которого был виден городок и река. За ним увязалась Кармен. Он ничего не имел против. Наоборот, было интересно, как она будет реагировать на его компанию, на то, что они сейчас увидели. Если он не ошибся...

Если не ошибся, то Кармен одна из тех, кто еще человек. Побитая жизнью, но еще в глубине души что-то сохранившая. Он подозревал, что сделало из нее такую стерву. Потому и не мешал ей сейчас разбираться в себе и в людях.

Она оправдала его ожидания.

– Смотри, Кармен! Этого никто не видит! – воскликнула неугомонная Люси, прыгая среди светлячков. – А мы видим! Потому что мы здесь! А они бейсбольный матч смотрят. Дураки!

Карменсита не нашлась, что сказать. Люси подпрыгнула и побежала к другой группе ребят. Светлячки вихрем носились вокруг нее, крутясь возле развевающейся гривы волос. Она от этого была похожа на маленькую комету.

– Вот такие мы! – неопределенно сказал Диего-Сергей и устремил взор к небу. Светлячки поднимались все выше и теперь кружились, мешаясь со звездами небесными. Кармен тоже невольно залюбовалась ими.

– Вот я смотрю на вас всех. Смотрю – и мне непонятно... – наконец выговорила она.

Диего вопросительно взглянул на девушку. Лицо у нее все так же было обращено к сияющему радужными полосами небу. Она прервалась, словно собираясь с духом.

– Мне непонятно, почему вы – такие? Ты, твои друзья.

– Какие? – слегка удивился Диего.

– Странные. Вам почему-то безразлично то, за чем гоняются почти все школьники и почти все взрослые. Вам интересны вот эти звезды, вот это... чудо.

Кармен обвела рукой пылающий сиреневыми переливами луг. Танцующих над ним светлячков. Она еще не знала, как на все это реагировать.

– А может, стоит задать вопрос, почему ты была не такой, как мы? – задумчиво спросил Диего.

– Пожалуй ты прав. Почему я не такая?

– Тебе это неприятно? – удивился Диего, так как почувствовал затаенную боль в интонациях Карменситы. – Почему? Ведь тебе приятно было увидеть Ветер Звезд.

– Это называется Ветер Звезд?

– Да.

– Красивое название... Действительно, Ветер Звезд. Он небо принес на луг... Как будто даже пахнет звездами. Небом.

– Мне кажется, что ты можешь писать стихи, – как утверждение сказал Диего.

– Почему ты так решил?

– Красиво говоришь. Как видишь, так и говоришь... Или ты все-таки пишешь?

– А какое тебе до них дело?! – попробовала ершиться Кармен.

– Мне кажется, что у тебя должно получаться.

– Спасибо за комплимент. Попробую.

– Дашь почитать?

– А ты поймешь?

– Ты думаешь, что я только в математике и истории спец? – выразил обиду Диего.

Кармен порылась в памяти и припомнила, как Диего на спор читал какого-то древнего поэта. Бернса. И не нашлась, что сказать. Вопрос был риторический.

– Если не секрет, почему ты так вертишь парнями школы? Ты их ненавидишь? – вдруг задал вопрос Диего.

– Многих – да, ненавижу.

– Есть за что?

– Есть. Кого за дурость, кого за подлость... Ты ведь тоже бьешь их не за то, что они добрые и умные.

Кармен усмехнулась.

– Тебе ведь и своих друзей, вот этих, раза два пришлось защищать? – добавила она.

– Так это у тебя нечто типа личной вендетты?

– Какой догадливый... – скривилась Карменсита. – Да. Месть. И за маму тоже. – Диего-Сергей, бросил вопросительный взгляд, ожидая продолжения. – Ты сам знаешь, что когда мне было семь, отец нас бросил. Тогда, когда нам было очень тяжело. Он был такой же как... Как Гарри, как Джон.

Тот же Гарри и Джон еще тогда надо мной подшучивали. Было очень обидно. А теперь хвосты пораспускали... Павлины. Ненавижу!

– Ну... дело не в том, что они павлины... А в том, что нужно им, и что нужно тебе самой, – попробовал смягчить ситуацию Диего.

– «Им», «мне»... Вот если ты такой догадливый, скажи мне прямо, почему я вижу кого-то из них, вижу что симпатичный, а когда он только рот откроет, так сразу же его прибить хочется?!

Кармен повернулась к Диего. Видно было, что ответ на этот вопрос ее сильно мучает.

– Скажи! Скажи прямо! – с вызовом сказала она. Диего пожал плечами.

– Ты хотела, чтобы тебя любили, а они хотят твоё тело. Чтобы насладиться, чтобы гордиться тем, что обладают им. Твоя душа и ты сама как личность для них не важны. Ведь так?

– Да что ты знаешь!.. – вспыхнула Кармен. Противоречия, раздражающие ее душу, не давали признать, что Диего опять оказался прав. Все это время, пока вела свою «вендетту», она это знала.

– Я тоже человек. И они, – Диего махнул в сторону своих друзей носящихся вокруг луга, – тоже люди. Они тоже чувствуют. И знают. По себе.

– То же чувствуют, что и я?

– Да. Только у них другой путь.

– И у тебя тоже? Ведь ты из моих подруг всех отшил. Это твой путь?

– Но я ими не крутил, как ты парнями.

– Но ведь отшил! Почему?!

– Большинство из них мне неприятны. У них запросы... слишком низкие. И подходы слишком уж... грязные.

– Грязные?

– Грязные... Что странно.

– А почему «странно»? И почему «грязные»? – Удивилась Кармен.

– Странно потому, что они – хорошо видно – не этого хотят. А грязные, потому что... Диего смутился.

– Они набивались к тебе в постель? – спросила прямолинейная Кармен.

– И это тоже бывало... – признал Диего.

– Какой ты правильный! – с осуждением сказала девушка и с насмешкой посмотрела на него.

– В каком смысле «правильный»?

– Ну... ты ведешь себя, как наш падре... И говоришь, как он. Ты верующий?

– Нет, я не верующий.

– Странно. Обычно так ведут себя глубоко верующие. А они вообще такие... бараны!

– А почему ты удивляешься тому, что я веду себя, как те самые верующие?

– Потому что не баран.

– Не баран?!

– Ты хищник. Что в тебе и привлекает. В тебе есть что-то от волка...

– Спасибо! Польщен.

– Это не комплимент. Это факт, – резко отрубил Кармен. И было непонятно – она злится на это или наоборот.

– Но ведь другие парни тоже стараются быть хищниками.

– Стараются. Только остаются баранами. Это маски у них такие – львиные. А внутри они все бараны.

– Ты любишь с них маски сдирать? – усмехнулся Диего.

– Ты верно подметил. Именно сдирать! – хищно акцентировала Карменсита последнее слово. – Они все фальшивые!

– Вот и я твоим кумушкам сказал, чтобы они не носили маски. А они все равно липнут.

– Ну, ты им не только это сказал! – ехидно заметила Кармен.

– Честно, прямо, но вежливо. И все равно липнут. Просят помощи, которой многим и не нужно.

– А ты так до сих пор ничего не понял? – также ехидно спросила Кармен.

Диего обескураженно помотал головой.

– К тебе они липнут не потому, что ты красавчик – впрочем, ты действительно красавчик, – а потому, что видят в тебе человека. Не брутальный кусок мяса, а того, кто может понять, помочь, хотя бы сочувствием.

Здесь Диего-Сергей попал в ловушку собственных стереотипов. И они помешали увидеть за собой то, что легко видят другие. Он привык к отношениям внутри каллистянского общества. Общество же Йос для него было чуждо. Поэтому то, что знал изначальный Диего, как-то ушло на задний план, потерялось. Но с другой стороны то, что Сергей считал естественным, – считает слабостью большинство из здешнего «паучатника».

Для Сергея было дикостью драться за доминирование, потому он и стремился помогать ближним. Не паразитировать на «лохах» и «простофилях», помогающих бескорыстно, а объединяться с такими бескорыстными людьми ради взаимопомощи. Ведь все так просто: тебе помогли – ты помог. В результате усилия сложились – и все что-то приобрели. Только дерущиеся что-то приобретают в драках, забирая чужое. Или, что куда чаще бывает, теряют свое.

При взаимопомощи же свое только умножается, ведь оно доступно всем и всегда. Правда, пока и здесь только тем, кто в кругу друзей. Для истинного каллистянина относиться к людям по-человечески – это уже даже не привычка, а человеческая потребность, часто игнорируемая и забываемая в обществах, более низких как по культуре, так и по развитию.

Попав на Йос и оказавшись в шкуре «лузера-латинос», Сергей привык ожидать худшей модели поведения от окружающих. Часто это спасало от больших неприятностей. И даже когда он начал создавать свой «круг друзей», иногда приходилось ломать шакальи наклонности во многих из неофитов «братства». Да, он выбирал из тех, кто, как минимум, не до конца еще ошакатился. Из тех, кто еще имеет что за душой что-то светлое. То, что еще не выбила из них окружающая действительность. Выбирал, чтобы это светлое спасти, укрепить, приумножить, поместив спасаемую, хоть и покалеченную душу, в теплый круг взаимопомощи.

Приходилось защищать и себя, и свое «братство». Постоянные бои еще больше укрепили в Сергее ощущение, что «вот есть «братство», а вот остальные». И эти остальные, либо «обезьяны», либо «бараны».

И вот в этот момент, после разговора с Карменситой он внезапно осознал, что у него самого душа начала обрастать дубовой корой, мешающей увидеть человеческое в остальных. А это не дело!

Его даже передернуло от этого осознания.

Кармен восприняла это по-своему.

– Ты не согласен?! – удивилась она.

– Н-нет... Почему же... Согласен. Я вот просто подумал, что в нашем обществе что-то не так, раз мы забыли, как поступать по-человечески, как по-человечески относиться к людям...

– Но эта человечность не помешала тебе побить Джонни с компанией! – продолжила наступление Карменсита.

– Они вели себя не как люди, а как звери. Обезьяны.

– Ты их тогда не посчитал за людей?

– Почему же... Они люди, но вели себя как те самые... Обезьяны!

Они оба посмотрели, как по лугу перекатываются сверкающие сиреневые волны. Колокольчики как-то чувствовали ветер и отзывались на его порывы световыми переливами.

– Теперь мы квиты! – с легкой горечью после длительной паузы сказала Карменсита.

– Квиты? За что?

– Ты мне объяснил, что я есть и почему. А я тебе...

Стало грустно.

А над ними раскинулось бескрайнее звездное небо в завитках ярких туманностей. И как его отражение луг бушевал звездной метелью светлячков, носящихся между сиреневыми колокольчиками и изливающими свой первый в этом году свет навстречу звездам.

Ступеньки вверх

Задание, полученное Сергеем, заключалось в том, чтобы попасть в армию, отслужить два года и выйти на командные должности. Иначе, чем через федеральную службу, сделать это было невозможно.

Да, можно было отказаться от федеральной службы, но тогда пришлось бы смириться с тем, что путь наверх тебе закрыт. И твоя стезя по жизни – быть наглухо отделенным от права занимать какие-либо серьезные посты и командовать кем-либо, принимать значимые решения для судеб цивилизации.

Задания у собратьев по внедрению были аналогичными: пройти федеральную службу. Неважно где – пилотом звездолета или кашеваром. Главное – пройти эту самую злосчастную «федеральную службу». Отслужить нужный срок.

Каждый агент каллистян должен был осуществлять свое направление внедрения в государственные и общественные структуры. Но траектории их карьерного роста сходились там, где принимаются решения, влияющие на судьбы цивилизации. Надо было не просто достигнуть подобных высот, но и захватить контроль над ними, чтобы успеть увести цивилизацию с пути саморазрушения прежде, чем станет слишком поздно.

Еще до встречи со звездолетом Темного Клана и так, и эдак просчитывались возможности иного пути реагирования на угрозу. Получалось, чтобы реально что-то можно было спасти, необходимо действовать по нескольким направлениям сразу. А именно: как бы ни казались малы силы и возможности звездолетов двух крупнейших цивилизаций Великого Кольца в этой части Пространства, но только суммирование их воздействия и подоспевшей массовой помощи из Звездной Диаспоры Ирби, кластера Каллисто и даже от Миров Прародины могло дать нужный эффект – спасение максимально возможного числа разумных.

Но беда заключалась в том, что помощь могла прийти слишком поздно. Пока дойдет весть, а она на такие расстояния – через ретрансляторы – идет долго; пока промышленные мощности перестроятся и произведут то, что никогда ранее не делали, а именно – боевые корабли, способные долететь до Йос; пока будет подготовлено достаточное количество профессионалов для них; пока, наконец, они прибудут сюда, – все будет кончено. Раковая опухоль великой межзвездной войны разовьется настолько, что будет угрожать уже всем!

Да, шансов мало. Но попытаться надо.

Иначе...

Иначе гибель очень многих не просто отдельных разумных, а целых миров.

Не зря по Великому Кольцу ходили страшные истории про выжженные миры и легенды о миллионы лет назад прокатившейся по ним войне. Войне, вызванной вот такой агрессивной, алчной цивилизацией, каким-то невероятным стечением обстоятельств не уничтожившей себя сразу и вышедшей к звездам.

Страшно было наблюдать вот так – изнутри и вблизи – материализовавшиеся мрачные легенды. Не из-за личной угрозы – а она сейчас присутствовала для всех живущих на Йос и в ее колониях. Страшно потому, что именно от каллистян сейчас зависело, будет ли жить эта цивилизация, будут ли жить ее соседи и вообще...

Страшно было не успеть.

Сейчас каждый из внедренцев решал сходные задачи.

С одной стороны, каждый шел на федеральную службу, чтобы после иметь возможность участвовать в политических боях. С другой – они формировали вокруг себя ячейки будущего общества, которое не будет отягощено Злом. Для которого сами слова «война» и «конкуренция» будут оскорблением.

Но для этого нужно еще сформировать в каждом из новых людей философию, которая оказалась бы адекватна и ситуации, и жизни.

Каждый принимал свои решения исходя из ситуации и наличных средств.

У Диего-Сергея тоже было так.

Требовалось не только обеспечить будущим группу, как бы невзначай созданную им, но и скрыть до поры некоторые свои умения, с которыми он пришел в этот мир. Другим же умениям и талантам обеспечить правдоподобное «алиби». На случай слишком уж дотошных проверяющих. Поэтому в один из пригожих субботних деньков он двинулся к дому одного из преподавателей школы.

К не совсем обычному преподавателю.

* * *

На лужайке перед домом играли дети. Полковник сидел в шезлонге на веранде и мрачно созерцал эту идиллическую картину. Мрачное настроение у него в последние годы было почти всегда, так как отношения в семье совсем разладились. Жена не переставала его пилить тем, что, по ее мнению, он имеет слишком маленькую пенсию, и вообще мог бы перед выходом в отставку получить генеральские погоны. Тупая баба не понимала и не хотела понимать ничего.

Для нее было существенно лишь то, что он получает. И сравнивала она не со средним уровнем доходов, что было бы справедливо, а с уровнем тех, кто получал в городке больше всех. Да и запросы были у нее слишком завышенные. Под стать менеджеру из совета директоров средненькой корпорации.

Если правду говорить, то он когда-то был уже менеджером. И чуть не попал в совет директоров. Но грянул кризис, и корпорация обанкротилась. А из таких на новую работу в другие корпорации берут очень неохотно. Есть такое поверье, что на этих людях – бывших работниках обанкротившейся конторы – незримое клеймо неудачи. Вот и приходилось полковнику довольствоваться несколькими необременительными работами в этом захудалом городишке и ждать, когда родная армия наконец-то вспомнит о нем и его талантах.

А она иногда вспоминала, подкидывая работенку. Только благодаря этому и удавалось заткнуть дыры, которые делала в бюджете семьи супруга. И даже при этом она умудрялась находить что-то сильно ее не устраивающее. Вот и сейчас подошла со спины и тоже созерцает веселье детей.

«Наверное, какую-то гадость изобретает», – только успел подумать полковник, и она не обманула его ожиданий.

– Вот я смотрю и думаю, на кого из соседей похожа наша младшенькая! – ядовито сказала супруга, желая уколоть его.

– И чем ты хвастаешься, Айрин? – с презрением спросил полковник. – Что выставлешь напоказ? Что ты шлюха?

– Так разведись!

– А на что жить будешь? Ведь сейчас я на тебя трачу гораздо больше, чем ты получишь при разводе.

Прервал их перепалку звонок в дверь. Полковник вскочил с шезлонга и стремительным шагом двинулся через дом. Он был рад, что кто-то пришел и отвлек его от безнадежного состязания в злословии с женой. Когда он отпирал наружную дверь, то ожидал увидеть посыльного. Но к его удивлению там оказался Диего.

– Здравствуйте! Извините, сэр, если помешал, – официально начал Диего. – Но у меня есть к вам дело как к главе дисциплинарного совета школы и как к полковнику звездной пехоты.

– Здравствуй. Заходи, – мрачно буркнул папаша Дюк.

«Все одно, будет хоть какое-то отвлечение от мрачных мыслей, – подумал он. – Хоть этот балбес развлечет. Да и все равно я хотел его вызвать и поговорить серьезно».

Он проводил Диего в гостиную, усадил в кресло, а сам достал из маленького холодильника в стене небольшой графин.

– Так как тебе еще нельзя пить спиртное, – вот апельсиновый сок.

Полковник налил из быстро запотевшего графина желтый напиток и пододвинул высокий стакан Диего.

– Рассказывай! – коротко бросил он, усаживаясь со своим стаканом в кресло напротив. Но этому опять помешала Айрин. Услышав, что пришел не посыльный, который быстро же и уходил, что оба уселись в гостиной для длительной беседы, она томным шагом прошла мимо и бросила супругу.

– Пойти, что ли, позаигрывать с соседом....

Диего от этих слов передернуло.

«Довыдывается стерва! – подумал полковник, провожая недобрым взглядом жену. – Ведь действительно разведусь!»

Не встретив ничего, кроме глухого молчания, Айрин отправилась прочь. Полковнику же срочно захотелось хлебнуть чего-нибудь покрепче не только сока, но и вина. Сдержался. При учениках – не положено. Даже дома. Он отхлебнул из своего стакана, дождался, когда за Айрин закроется дверь, и кивнул Диего.

– Я собираюсь поступать на федеральную службу, в звездную пехоту, – сообщил тот.

– Похвально! – чуть оживился полковник, заинтересовавшись. Не так уж и часто ученики внимали его «проповедям» и шли на федеральную службу. И не куда-нибудь, а в звездный десант.

– Но мне нужна помощь в подготовке.

– Физически ты готов. Что тебе еще нужно?

– Рукопашный бой.

Полковник вопросительно поднял бровь.

– Не хочу быть мальчиком для битья. Хочу, чтобы с самого начала ко мне относились серьезно. Чтобы уже при подготовке – не с чистого листа, а....

Полковник кивнул.

– То есть, ты хочешь сразу попасть в младший командный состав?

– Да, сэр!

– И ты ничего до этого не изучал?

– Нет, сэр.

Полковник скептически хмыкнул и ехидно поинтересовался:

– Ну, тогда мне очень любопытно, как ты смог поколотить Гарри с компанией. Дурачок Джонни не в счет. Но ведь остальные-то занимаются в секции карате. И тот самый Гарри имеет какой-то пояс.

– Я им просто не дал воспользоваться своими умениями.

– Не дал?! – удивился полковник. – А ну-ка, расскажи подробнее.

Диего вкратце пересказал ту достопамятную драку.

– Хм... А ты не так прост, как кажешься.

Полковник повертел в руках стакан с соком.

– Хорошо! Если ты действительно собрался поступать на федеральную службу и конкретно в звездный десант, я тебе помогу слегка подготовиться. Будет занятно.

Полковник расплылся в улыбке и закончил:

– Даже денег не возьму. Ты мне интересен.

– Спасибо, сэр!

– Не благодари заранее. Ты еще не знаешь, во что вляпался, – многозначительно сказал папаша Дюк. – Но ты ведь не только за этим пришел? Там что-то было насчет дисциплинарной комиссии.

– Да, сэр. Я хотел попросить вас, чтобы вы взяли под свою опеку вот этих ребят.

Диего протянул листок со списком.

– С чего бы это? – поднял бровь полковник.

– Их продолжают преследовать и унижать ученики из банды Крайтона. Вы, как я знаю, задались целью прекратить драки и правонарушения в школе.

– И они практически прекращены.

– Извините, сэр, но... – Диего слегка замялся.

– Договаривай.

– Но это потому, что я вступился за них.

– Я слышал, – коротко сказал полковник.

– Когда я окончу школу и уйду на федеральную службу, они окажутся без защиты.

– С твоей стороны благородно заботиться о друзьях, – благосклонно кивнул полковник. –

Но не лучше ли будет научить их давать отпор?

– Я их учу... Тому, что знаю. Но этого мало.

– Хм...

Полковник поставил почти пустой стакан на столик и внимательно посмотрел на Диего.

– А ты еще более странный, чем я думал! – наконец-то выговорил он. – Думаю, будет эффективнее, если их обучу я. Ты согласен?

– Но... сэр... – запнулся Диего, – у них нет на обучение денег.

– Я буду учить их ради собственного удовольствия. Ты согласен?

– Да, сэр! Благодарю вас, сэр! – бодро, почти по-военному гаркнул Диего.

– Но с одним условием.

– ?..

– Они возьмутся за воспитание младших классов. В своем духе.

– Но... Как вы узнали про... – удивленно начал Диего.

– Ты сильно недооцениваешь полковника армейской разведки в отставке! – тихо хохотнул папаша Дюк. – К тому же, мне понравились ваши основные принципы. В них что-то есть.

Последнее он сказал чисто для того, чтобы успокоить Диего. Факт, что система взглядов, исповедовавшаяся группой Диего, не была религиозной, являлся дополнительным плюсом. Это значило, что она подходила под любую социальную среду, в том числе – приверженцев известных ему религиозных конфессий.

Полковник воспринимал кредо этих подростков как еще один, очень удобный, инструмент в достижении собственных целей. То, что они соответствовали целям, поставленным самим Диего и Планом, он, естественно, не знал.

Часть 3. Зверь готовится к прыжку

Крейсер глубокой звездной разведки "Пегас". Два световых года от Саны

Звездолет медленно плыл по длинной дуге, огибающей пару черных дыр, уже два миллиарда лет вальсирующих под звездами. Гравитационные волны от этой пары на таком расстоянии никак не были ощутимы человеком, но их мощности хватало, чтобы забить любые, даже самые чувствительные датчики, которые могли бы в ближайшее время быть созданы на Йос. Впрочем, даже вблизи звездолет сейчас выглядел как еще один межзвездный астероид. То есть как скала, бездну лет скитающаяся во тьме космоса, после того как перестала быть планетой, разрушенной и выброшенной за пределы сферы действия⁷ вспышкой материнской звезды.

В такой близи от Йос данная предосторожность с маскировкой была не лишней. Время от времени датчики звездолета засекали проходящие по стандартной трассе транспортные корабли, спешащие к одной из систем, колонизируемой этим потерянным осколком земной цивилизации. Пролегла эта трасса достаточно далеко от давно умершей звездной пары, чтобы гравитационные возмущения, возбуждаемые волнами гравитации, не могли нарушить работу несовершенных компенсаторов. Звездолету каллистян при определенных обстоятельствах приходилось пользоваться обычными реактивными методами передвижения. Тогда огромный корабль извергал из себя раскаленный поток плазмы и уходил на достаточное расстояние, где можно было снова воспользоваться привычным для межзвездного скитальца переходом через гиперпространство.

Но сейчас он плыл, прячась в россыпи никому не интересных обломков давно смерзшегося газа и пыли. Слишком обычен подобный космический мусор на межзвездных просторах, а в окрестностях таких древних останков звезд – тем более.

Искусственная гравитация на палубах, созданная компенсаторами, не мешала гигантской туше звездолета медленно вращаться вокруг поперечной оси, что хоть и не так быстро, как некоторым хотелось бы, но меняло виды, лежащие за иллюминаторами и, соответственно, отображаемые экранами внутри корабля.

Сидя за столиком в каюте отдыха, астрофизик Лок преднамеренно сменил вид на обзорном экране на панораму снаружи корабля. Хоть они и висели здесь уже третий месяц, ему все еще не надоели космические пейзажи.

Во время работы имеешь дело с объектами непосредственно на экранах приборов и компьютеров, но там они больше в схемах и формулах. На панорамных же экранах рабочей площадки – голографические пейзажи родной планеты. А здесь для разнообразия транслировались виды окружающих «звездных ландшафтов».

Неспешный ужин под звездами – что может быть приятнее?

Астрофизик посмотрел на место, где должна была находиться двойная черная дыра. И, естественно, ничего не увидел. Даже на расстоянии сотни тысяч километров, когда гравитационные волны уже представляют серьезную опасность для корабля, ничего не было бы видно. Диаметры черных дыр – всего-то около десяти километров. Величина исчезающе малая по сравнению с космическими расстояниями. Даже на фоне ярко сияющих туманностей ничего не увидишь. Тем не менее открывающийся звездный пейзаж производил сильное впечатление.

⁷ Сфера действия небесного тела – область в виде сплюснутого эллипсоида вращения вокруг небесного тела, внутри которой главное гравитационное действие на обращающийся по орбите объект исходит от этого тела. Если объект покидает сферу действия, то становится самостоятельным небесным телом, а не спутником данного. (Прим. автора)

Лок отвернулся от экрана вовремя, чтобы заметить подростка, спешащего к нему между живых деревьев каюты отдыха.

С тех пор как возросшая надежность экспедиционных межзвездных кораблей позволила перевозить на борту целые семьи, комиссии, формирующие экипажи, хоть и сдержанно, но разрешали личному составу брать с собой в длительные экспедиции детей. Однако мало кто решался на такое. Все-таки это космос. А он бесконечно разнообразен. В том числе и на пако-сти, припасенные для исследователей. Конечно, можно было сказать, что и на родной планете есть вероятность случайно попасть в серьезную переделку, если потеряешь осторожность. Но космос с его непредсказуемостью пугал гораздо больше известных опасностей родного мира.

На «Пегасе» сложилась небольшая, но очень веселая группа из ребят от десяти лет и старше. Они учились, как и все их сверстники, на Каллисто. Так же, как и все, исполняли по мере сил, образования и способностей некоторые обязанности на корабле. Полноценные вахты, конечно, не несли, но взрослым помогали. Само осознание факта, что они участвуют в дальней звездной экспедиции, о которой их друзья, оставшиеся дома, пока могут только мечтать, наполняло этих мальчишек и девчонок гордостью и почти взрослой ответственностью. Сопричастность к великому делу была для них бесценным опытом, который в дальнейшем, во взрослой жизни, очень пригодится. А помогать им приобретать этот опыт каждый взрослый на корабле считал долгом.

Алексею Ивакину, одному из подростков, как раз нужна была помощь.

Подросток достиг столика, где сидел Лок, и вежливо поздоровался.

– А-а, юнга! Присаживайся! – с радостью воскликнул астрофизик. – Как понимаю, ты специально меня искал? Ну, рассказывай, какая нужда привела.

– Ну... – запнулся Алексей. – Уважаемый Лок! Мне кое-что не ясно с этой цивилизацией...

– С Ирби? – подсказал астрофизик, так как юнга опять запнулся от смущения. Тем более что Темный Клан и их звездолет были неиссякаемой темой для пересудов на корабле.

– Нет, не с Ирби. С Йос.

– Могу предположить, что если ты пошел не к нашим социопсихологам и ксенологам, а ко мне, то тебя интересует астрофизический аспект?

– Ну... да...

– А что именно? Происхождение звезд кластера? Их характеристики?

– Не совсем... Впрочем, и это тоже. Но... Почему они потерялись? Почему все говорят, что здесь естественных цивилизаций возникнуть не могло и что этот кластер изначально обречен на гибель?

– О! Какая коллекция вопросов! – хохотнул астрофизик и откинулся в кресле.

– Но если я вам мешаю...

– Нет, не мешаешь, – поспешил заверить его Лок. – Просто все вопросы тесно взаимосвязаны.

Астрофизик неопределенно махнул рукой в воздухе и посмотрел на спешащего к столику кибера.

– Порассуждаем вслух... – сказал он, отодвигая пустую кружку, из которой пил чай, в сторону принявшегося собирать посуду кибера. – Естественными называют те цивилизации, которые находятся в Великом Кольце. Знаешь почему? Проходил в школе?

Юнга отрицательно помотал головой.

– Тогда чуть-чуть подробнее... – кивнул Лок и начал рассказ: – Вся система Великого Кольца основывается на планетах, где изначально возникала жизнь и имела возможность достигнуть стадии разума. Эти планетные системы в пространстве галактики действительно группируются в виде кольца, опоясывающего на расстоянии тридцать тысяч световых лет ее ядро. Именно на этом расстоянии находятся звезды, которые вращаются синхронно со спи-

ральными ветвями. Те звезды, что ближе к ядру – движутся чуть быстрее и периодически пересекают спиральные рукава в своем полете вокруг ядра. Но в спиральных ветвях очень часто вспыхивают сверхновые, там слишком велика концентрация быстро эволюционирующих голубых звезд. Сверхновые буквально выжигают жизнь в планетных системах, попавших в спиральную ветвь, не давая ей развиться до стадии появления разума.

Звезды, движущиеся по радиусам большим, нежели у Великого Кольца, – также пересекают спиральные ветви, но уже с другой стороны, так как вращаются вокруг центра медленнее. Спиральная ветвь их нагоняет.

Таким образом, получается, что вся разумная жизнь в галактике группируется вокруг этого самого кольца, вплотную к нему. Все заселенные разумом планеты, выбивающиеся из этого правила, являются чьими-то колониями. И исключения очень редки.

– Но ведь Сана находится почти что в Кольце...

– Вот именно что «почти». Орбита у звезды эллиптическая. Как и у всего кластера, кстати, что указывает на общность происхождения и одинаковый возраст. Система уже скоро войдет в спиральную ветвь. Еще несколько миллионов лет, и планета станет почти стерильной: десяток близких вспышек – и конец. К тому же, как ты хорошо заметил, изначально на планете жизнь была на очень низком уровне. Растения, относящиеся к покрытосеменным, – явно пережившие предыдущие вхождения в спиральные ветви. Они оказались наиболее устойчивы к радиации. Крупных животных на суше – нет. Только океаны имели большое разнообразие видов. Что неудивительно. Все разнообразие высших видов на суше привнесено колонистами. И все это, заметь – земные виды, привезенные с Прародины.

– Но как тогда понимать тот факт, что в данном кластере так велика концентрация разумных?

– Ты заметил, что в окружающих планетных системах также очень велика концентрация тяжелых элементов?

– Да, это так. Ближний пример – система Чистые Дни, как ее называли исследователи с Йос.

Астрофизик одобрительно кивнул.

– Это значит, что весь кластер – потерянные колонии других цивилизаций. Причем, как следует из их же истории развития, все они достигли этих мест не посредством звездолетов с гипердвигателем, а посредством генератора прокола пространства. Иначе не потеряли бы связи с материнской системой.

– То есть они достигали этого кластера случайным образом?

– Почти. Ведь если делается прокол, то его можно продержат до тех пор, пока он не разрушится ближайшим гравитационным штормом, – в среднем около трех-пяти месяцев. За это время можно с успехом исследовать место, куда вывел случайный переход, и послать колонизационный корабль.

– Значит, предки йосовцев – колонисты, прошедшие через врата генератора прокола пространства?

– Без сомнения! Кстати! Если ты не в курсе: недавно получили донесения с Йос. Там наши разведчики раскопали их историю. Они действительно прошли через Врата. И действительно, как мы и предполагали ранее, в самом конце Темных Тысячелетий.

– Но если это люди, ушедшие прямо в начале Великой Катастрофы, то почему они имеют уровень развития ниже нашего? – удивился подросток.

Астрофизик Лок пожал плечами.

– Тут можно только гадать, – сказал он. – Скорее всего, учитывая, кто ушел через Врата, они передрались сразу же по приходу в новый мир. И это отбросило их в развитии назад. Возможно, до уровня средневековья.

– Но как такое может быть?! – изумился юнга.

– Ну... это уже вопрос не ко мне, а к социопсихологам, – прищурился астрофизик. – Мои знания в этом вопросе поверхностны. Знаю, что в галактике за всю историю Великого Кольца находили много таких падших цивилизаций и их останков.

Юнга кивнул и, чуть-чуть помявшись, задал еще один вопрос:

– И еще... Может вы знаете... Я заглянул в исторические справочники и обнаружил, что на Прародине слово «крейсер» обозначало боевой корабль, изначально предназначенный для ведения войны. Почему наш «Пегас» называется крейсером?

– Очень интересный вопрос! – улыбнулся Лок. – Но для ответа на него надо вспомнить, что крейсеры предназначались не только для нападения, но и для защиты. Для разведки. С тех давних пор, когда наши предки воевали, надобность защищаться и вести разведку не пропала. Просто сейчас угрозы не те. Не от себе подобных, не от разумных рас Великого Кольца. Угрозы от вполне обычных на просторах Вселенной звездных катастроф. Таких, как вспышки новых и сверхновых звезд, гравитационные коллапсы, порождающие где мощные гамма-вспышки, где гравитационные штормы, периодически прокатывающиеся через галактику. Как иллюстрация... – Лок махнул в сторону невидимых отсюда черных дыр. – Вот здесь как раз источник будущей очень серьезной бури... Не сейчас она будет, а через несколько тысячелетий. Но все равно – и к такому нужно быть готовым. Эти черные дыры уже очень близко подошли друг к другу. Когда они сольются, около десяти процентов их массы уйдет в виде мощных гравитационных волн. А это очень большая энергия.

Мальчик кивнул, буравя взглядом место на фоне сине-зеленой туманности, где должна была располагаться пара черных дыр.

– Или такая мерзкая штука, как хроноклазм... Помнишь, как в такую область попала одна наша экспедиция тридцать лет назад?

– Помню. Проходили. Учитель Лех нам рассказывал. И показывал, что там было.

– Вот-вот! Тот хроноклазм просто прозевали. Потому и пришлось потом попотеть, прежде чем вытащили бедолаг.

– Там еще большой звездолет Зерте помогал, – вставил юнга.

– Конечно. Как соседям не помочь! Они нам – мы им. Но не только катаклизмы – мы разведываем их возможные источники и причины. Еще мы ищем другие цивилизации, чтобы установить с ними контакты. Ищем пустые планетные системы, которые можно колонизировать. Также ищем и потерянные цивилизации.

– Вот как сейчас нашли Йос.

– Да. Как сейчас, – тут же погрустнел Лок. – И хорошо, если мы успели...

Йос. Федеральная служба

Настала пора выпускных экзаменов. Пора, жаркая для стремящихся продолжить обучение. И пора расслабленного, полурастительного существования для тех, кому это было ни к чему. Последние ничего не сдавали, просто получали справки об окончании школы без аттестации. Не потому, что были дураками по природе. Или калеками. Просто не видели в этом смысла. И таких хватало.

Дальше учиться – слишком дорого, семейный бюджет не потянет. К тому же стиль учебы, неизменный с тех времен, когда еще существовала система «двух коридоров»⁸, не способствовал получению качественных знаний. Дети тупо изучали разную чушь на «облегченных» курсах, пели на уроках пения, бегали на уроках физкультуры. Лишь немногие занимались всерьез, лелея надежду все-таки получить хорошее образование, поступив хотя бы в колледж⁹. Они не собирались становиться простыми рабочими или устраиваться на побегушки к тем, кто, как минимум, закончил тот же колледж.

Они рассчитывали на большее. Брали дополнительные курсы для изучения и сдачи. Заранее, еще в начале учебного года, чтобы успеть подготовиться. Диего и тут умудрился поразить всех: не только набрал кучу дополнительных курсов, да еще и всего лишь за четыре месяца до экзаменов, но и сдал их с отличием.

Это был небывалый результат в истории школы и, как вскоре оказалось, в истории штата. Правда, уже через неделю всплыли аналогичные случаи в школах других штатов, но все равно Диего был первый.

И так как он стал первым, СМИ из него сделали героя.

Немедленно появился тот самый профессор, которого они с Карменситой Ибаньес случайно встретили в библиотеке, и предложил грант на поступление.

Но тут уже сам Диего-Сергей попадал в щекотливую ситуацию.

Оно, конечно, очень хорошо, если поступить в университет по гранту и там отучиться. Но беда была в том, что по выходу он становился рядовым «яйцеголовым», лишенным избирательных прав и вынужденным подчиняться тем, кто прошел федеральную службу. Так как Карменсита оказалась в тени его славы и гранта на поступление не получила, то Диего-Сергей немедленно предложил профессору взять ее на грант. С великим сожалением профессор сообщил, что грант был именной, и передать его «глубокоуважаемой... и т. д.» он не может, несмотря на ее несомненно выдающиеся таланты.

После, правда, предпринял очень серьезную атаку на Диего с целью убедить его все-таки поступить в университет. Но попытка провалилась. Юноша оказался неожиданно упрямым. Как ни убеждал его профессор в том, что избирательные права для серьезного ученого – это чепуха и ничего не значащая привилегия, Диего остался при своем мнении.

Затем его попыталась уговорить администрация школы, но для нее у Диего был безотказно срабатывавший в прошлом образ «сиволапого фермера». Шоу, которое он разыграл перед «представительной комиссией» из директора, завуча и учителей, произвело на всех при-

⁸ Система двойной организации школы, преобладающая на Западе, когда в один «коридор» попадают дети элиты, а в другой – все остальные. В «коридоре» элиты царит жесткая дисциплина и напряженная учеба по серьезным программам, прежде всего естественно-научного направления. В учащихся воспитывается дисциплина ума и тела. Готовят лидеров, руководителей. Во втором «коридоре» – расслабленное времяпрепровождение. Нет дисциплины среди учащихся, изучаются несущественные мелочи (например, могут изучать целый месяц корову), логика не развивается. Готовят тупых исполнителей и потребителей. (Прим. автора)

⁹ Колледж американский – это аналог нашего ПТУ, но очень сильно «облегченный». Там учат, в основном, узких специалистов, давая минимум знаний, а не как в наших (особенно советских времен) профтехучилищах – специалистов широкого профиля и на уровне до третьего курса специализированного вуза. (Прим. автора)

существующих неизгладимое впечатление. Подтвердив в их глазах миф, что шизофрения и гениальность – практически одно и то же.

О том, что их ловко разыграли, учителя, естественно и не подозревали. Но это были уже проблемы администрации школы.

Благодаря СМИ Диего узнал, что аналогичным образом безупречно справились все остальные заброшенные в мир Йос соотечественники-каллистяне.

Казалось безрассудным, что, стартовав вот так феерически, они привлекают к себе всеобщее внимание. Ведь разом засвечивается большая часть десантников-прогрессоров. Но, как известно, если что-то хочешь хорошо спрятать – положи это на самое видное место. К тому же отношение к «яйцеголовым» в местном обществе было уничижительно-пренебрежительное. А в иерархии «крутизны» – не просто предвзятое, а презрительное. Каллистяне под прикрытием этого образа становились на значительное время как бы невидимыми для тех, кто попытался бы проанализировать ситуацию на предмет поиска людей и группировок, наиболее опасных по части захвата власти.

Впрочем, бонус невидимости срабатывал только до окончания прохождения прогрессорами федеральной службы. Ведь высокоинтеллектуальные граждане ее проходили и, следовательно, становились реальными претендентами на руководящие должности весьма редко. Но к тому времени факт массового небывалого результата на выпускных экзаменах школ мог и позабыться.

* * *

Если бы Карменсита была изначально безнадежно испорченной личностью, то, скорее всего, Диего-Сергей не стал бы с ней возиться. Но все же под покровом стервозности в ней чувствовалось нечто человеческое. Сама стервозность как раз являлась прикрытием и защитой той самой человечности. Защитой души от грязи мира.

Беда Кармен, как и всех остальных девочек с сильным умом и крепким телом, заключалась в том, что стервозность со временем пропитывала душу, заменяя собой все хорошее. В глубине души Карменсита это понимала, но будучи не раз и не два битой жизнью, она раз за разом, как в броню, закутывалась в образ, который себе избрала. Чтобы отказаться от него, необходимо было найти другие опоры в жизни. И тут, столкнувшись с Диего, с его очень странной компанией, она эту опору вдруг почувствовала.

Это усиливало ее желание заполучить себе Диего «в полную собственность». Но, уже находясь в кругу его друзей, она незаметно для себя менялась. В нужную для нее сторону, хоть сама этого и не замечала.

Тем не менее отношения с группой и особенно с Диего выстраивались, пусть и были довольно странными для стороннего наблюдателя.

С одной стороны казалось, что Кармен довольно успешно завоевывает себе еще одного мускулистого дурачка, но с другой...

Только особо приближенные подруги понимали, что реально творится. А творилась очень древняя коллизия, выражавшаяся в емкой поговорке: «Нашла коса на камень». Впервые в своей богатой практике Карменсита попала не на человека, готового выстелиться перед ней ковриком, а на того, кто при любых обстоятельствах держал дистанцию и сохранял человеческое достоинство. Да так, что уже самой Карменсите приходилось прилагать немалые усилия, чтобы удержать его возле себя, безуспешно пытаясь завоевать его сердце. Она так увлеклась этим, что на остальных парней, которые нет-нет, да и подкатывались, смотрела волком.

Видя это, не один из брошенных Карменситой поклонников заточил зуб на Диего. Но помня, насколько хорошо тот стал в последнее время драться, мало кто решился на «военные

действия» в его отношении. Те же, кто впоследствии-таки решился, получили не сатисфакцию, а лишние синяки на физиономию.

Глядя на такое, «папаша Дюк» ехидно посмеивался, относя все кулачные достижения Диего на свой счет.

С группой, созданной Диего-Сергеем, тоже все обстояло благополучно. Получив защиту, она, наконец, встроилась в школьное общество. И даже постепенно начала завоевывать авторитет и влияние. Вокруг появилась ребята, которые тоже хотели бы войти в группу. Кто с надеждой получить защиту, а кто по причине того, что в ней было интересно и тепло.

* * *

Близилось окончание школы. Скоро все выпускники расплзутся кто куда, и принимать какие-либо радикальные меры по улучшению отношений с тем, кого Карменсита так безуспешно добивалась, станет поздно. Только сейчас она почувствовала, что вот-вот настанет момент, когда придется или объясниться с Диего, или окончательно признать свое поражение.

Поэтому девушка выловила его после уроков, как бы невзначай подойдя, и завела разговор.

– Ты очень странный, Диего... Отказался от гранта! Впустую отказался.

Она хотела его еще раз поблагодарить за напрасный, но благородный поступок, но чувство ложной гордости не позволило. Профессор, который хлопотал за Диего, ей с глазу на глаз сообщил все перипетии с грантом.

– Не впустую, – пожал плечами Диего.

– Ты думаешь, что тебе его оставят?

– Уже оставили. Профессор час назад мне звонил.

– Тебе везет! Ах, мне бы кусочек твоего везения! Хотя тебя и называют неотесанным фермером.

Диего-Сергей ехидно хохотнул.

– Потому называют, что сами такими являются.

– Ты прав. Но почему ты отказался? Неужели из-за этих сказок?

– Каких таких сказок? – не понял Диего.

– Ну... Говорят, что ты собрался там... типа к звездам.

– К звездам? А почему бы и нет? И не сказка это. Ведь мы летаем. Уже сколько времени.

– Как турист – тебе денег не хватит. Как колонист – тебе слишком мало лет. Ты хочешь как федерал?

– Почти, – уклончиво ответил Диего. Он с самого начала почувствовал, что Кармен не для этого завела разговор. И напрягся. Ему не хотелось раз и навсегда ставить точки над «i» в их отношениях. Чтобы не ранить ее. А для этого надо было увести разговор слегка в сторону.

– Но почему? Тебе здесь такие перспективы открывались!

– А тебе разве не хотелось увидеть миры, которые там есть? Помнишь, мы смотрели журнал с постерами из... Забыл, как его там... тот мир называется...

– Мир МакДоула. Или как его сейчас стали называть – Парадиз МакДоула.

– Вот-вот! А таких там тысячи! Ты только представь, как будет выглядеть наш Краб с планет, которые находятся непосредственно возле него. Какое там небо! Да и хотелось бы тебе распрощаться с такими, как?..

– Не упоминай! – резко оборвала Карменсита. – И так тошно становится... Но если уйти в колонию...

– Там все заново. И можно выстроить отношения между людьми так, как хочется: по-настоящему справедливо и по-доброму.

– Так ты собрал свою компанию ради этого?! – вдруг догадалась Кармен.

– И для этого тоже, – кивнул Диего. – Ведь они вырастут. И захотят подлинности – подлинности отношений, чувств. Всего. Здесь этого не найдешь. Остается два выхода: либо менять все здесь, либо уходить к звездам.

– А вдруг там такие уже есть? Справедливые и добрые... – внезапно высказала предположение Карменсита.

– Я уверен, что есть, – спокойно сказал Диего, и от его ответа веяло той убежденностью, которая предполагает истинное знание.

Кармен невольно глянула в небо. На висящего в синеве разлапистого Краба, похожего в свете дня на легкое разноцветное облако.

– Откуда такая уверенность?

– Вселенная бесконечна и разнообразна. И если у нас так плохо и несправедливо, то почему бы не быть мирам, где все наоборот? Кто сказал, что как у нас – это единственно возможный вариант?

– Пропаганда... – ядовито подсказала Кармен.

– Пропаганда – она для того и пропаганда, чтобы поддерживать сложившийся порядок вещей. Но ведь там, на звездах, есть еще Квири.

– Они не люди.

– Но человекоподобны. И у них все иначе. Почему бы и у нас не быть так же, как у них? Разговор окончательно ушел не туда, куда хотелось Кармен.

– Я бы хотела, чтобы у нас все было хорошо, – сказала она двоякую по смыслу фразу.

– Значит, надо так и сделать, – также двойственно ответил Диего. И было непонятно, то ли он понял намек, то ли просто прямолинейно продолжил смысл сказанного ранее.

– Вот так и получается, – грустно завершила Карменсита, – ты уходишь к звездам, к своей мечте... А я здесь остаюсь...

– Так пойдем вместе! – выпалил Диего. – Ты – на пилота, я на программиста или там... В звездную пехоту. Как закончим службу, у каждого будет куча специальностей и возможностей поднять других к звездам. Может даже свою колонию организовать. Из таких, как мы.

– Но это не мое... быть пилотом, – все так же грустно сказала Кармен. – Я хотела в университет. И думала, что ты будешь там же. Ты ведь не дурак... Как остальные.

– Так что тебе мешает? – пропустил мимо ушей еще один намек Диего-Сергей.

– Деньги мешают! – вдруг резко и с каким-то особым остервенением бросила Карменсита.

– Так и тут все просто! Тебе не хватает денег на университет?

– Да! – злобно подтвердила Карменсита.

– Значит, тебе их надо заработать.

– Но... – попыталась также зло возразить Кармен, но на полуслове была прервана Диего.

– Да, здесь ты их и за полжизни не заработаешь. А вот если ты пойдешь на федеральную службу, то уже через два года будешь иметь необходимую сумму – ну, если не потратишь ее на всякое фуфло, – что позволит тебе проучиться хотя бы до бакалавриата. А если ты приложишь соответствующие усилия, то к диплому бакалавра у тебя будет пара-тройка приличных работ, чтобы тебя взяли на грант, и ты дальше могла бы закончить магистратуру.

– Обычно на грант берут сынков и дочек профессуры, а у меня маман – простая лавочница, – упавшим голосом продемонстрировала свои познания в этой области Карменсита.

– Если сделаешь что-то выдающееся – возьмут. А ты сможешь.

В глазах Кармен зажегся слабенький огонек надежды.

– Тогда...

– Тогда сразу прорывайся при поступлении на федеральную службу: либо на программиста, либо вообще на пилота.

– Да, пилоты получают больше...

- И у тебя будет возможность увидеть звезды. Ты ведь об этом мечтала?
 - Ага... – взгляд Кармен затуманился.
- Некоторое время девушка молчала, задумчиво глядя на Диего-Сергея.
- Точно! – вдруг твердо и звонко произнесла она. – Я так и сделаю!

Лагерь

Джонни получил по голове в очередной раз. Теперь уже от отца. Причем за дело: сам виноват, что ввязался в «маленькое приключение», вылившееся в крутые неприятности.

И как только отец узнал, что он там был?!

Гарри с товарищами попался., а Джонни успел убежать. Да и был он там «на подхвате», потому и удалось скрыться. Пока будет идти разбирательство, его роль и соучастие, возможно, не скоро всплывут. Правда, если попавшимся балбесам не придет в головы «шикарная мысль» все повесить на Джонни. С тем расчетом, что его папаня отмажет.

Так-то оно так... Но все его мечты накрываются медным тазом. Отец обещал поспособствовать поступлению сына в Гарвард. А это круто. Но если всплывет эта досадная история... Вряд-ли он уже сможет так просто пройти и поступить. А если все пойдет по наихудшему сценарию, то и сесть в тюрьму можно.

Последняя мысль особо сильно резала душу. Как ржавой пилой по обнаженным нервам. В тюрьму Джонни не хотел.

Он сидел в своей комнате на втором этаже семейного особняка и пялился на огромный настенный постер с мускулистым и всегда тупо веселым популярным киноартистом. Настроение у парня было наипаршивейшее. Постер изображал этого дебила Шульца, облаченного в боевой скафандр, с каким-то очередным SuperGap-ом наперевес и на фоне сияющих галактик. Постер был красочный. А контраст между ничтожеством, которым ощущал себя сейчас Джонни, и вот этим сияющим образом сверхудачливого и сверхуспешного десантника был особенно болезненным.

Никаких особых успехов в школе. Никаких особых успехов в спорте. Никаких особых успехов в остальных значимых для подростков направлениях. И Карменсита его бросила!

Так, растение. Сорняк, растущий в свете папиного успеха. И никакие личные вертолеты, подаренные ко дню рождения, этой ничтожности не отменяют.

Позвонил Карл и напомнил, что они договаривались идти на вербовочный пункт Федеральной службы.

Это еще больше испортило настроение Джонни, и он чуть не взвыл. Еще когда он давал согласие идти вместе, у него ну совершенно душа не лежала к службе. Через минуту после дачи обещания Джонни уже думал, как и под каким благовидным предлогом от него отказаться, но так ничего Карлу и не сказал.

Дома отец предложил шикарный повод – поступление в Гарвард плюс туристический полет на Марс – пятую планету системы Саны. На этой холодной планете как раз открыли новый, жутко элитный горнолыжный курорт. Он так хотел на нем побывать – и тут... Для того чтобы избавить сына от блажи поступления на федеральную службу, явно внушенной дубиноголовым товарищем, отец подкинул ему такую конфетку! А вечером, напившись в баре по поводу совершеннолетия, он и вляпался в ту самую историю. И то, что ранее казалось блажью, предстало в его глазах как единственное спасение.

В том злосчастном «приключении» – убежал, успел. Но ведь когда-то – и скоро – за ним обязательно придут! Зубы предательски застучали. Джонни резко их стиснул и, преодолевая страх, свербеж в желудке, нехотя встал и побрел к выходу. Не хотелось ни Карла подводить, ни показывать всем, что что-то не так, тем самым невольно выдавая свое соучастие в дурацкой выходке Гарри.

Пока шли к призывному пункту, Джонни мрачно молчал, в то время как Карл возбужденно трепался о том, как он хочет попасть в какую-то там фирму в этой Федеральной службе. Он за своей болтовней даже не заметил, что друг в депрессии.

Но когда подошли, пункт вербовки внезапно показался Джонни не просто спасением, а эдаким райским убежищем от всех проблем жизни. Его внезапно осенило, что если он сейчас с Карлом, как и договаривались, без отговорок и оговорок уйдет на федеральную службу, то полиция его уже никак не достанет! Парень даже задохнулся от такой перспективы. И уже с совершенно радужным настроением двинулся вслед за приятелем.

Они прошли в услужливо раздвинувшиеся автоматические стеклянные двери и направились к столику, за которым вальяжно развалился в кресле старый сержант. В вестибюле он был один, и явно был здесь посажен, чтобы направлять и консультировать таких, как они. Но ближе стало видно, что у сержанта много чего не хватает по части конечностей. Старый служака, поняв, что это замечено, криво ухмыльнулся и поманил их пальцем целой руки.

Вид старого, покалеченного сержанта нагнал страха. Двое потенциальных новобранцев резко сбавили обороты и почти крадучись поплелись ему навстречу.

Все было бы ничего, но...

Но их опередила Карменсита Ибаньес. Мягко, как кошка, ступая по узорчатому полу вестибюля, она пружинистым шагом быстро обогнула оторопевшую пару. Полуобернувшись, бросила мимолетный взгляд на Джонни с Карлом и направилась к столику сержанта. Это было как гром среди ясного неба. Ну никак они не ожидали встретить ее здесь, на вербовочном пункте Федеральной службы.

Оба балбеса вытаращились на нее так, что, казалось, еще немного – и глаза повыпадают.

Карменсита оделась с виду просто. Но эта была та самая простота, которой владеет далеко не каждая из дам. Простота и строгость, элегантно подчеркивающая все достоинства.

Парням вдруг резко стало трудно идти. Даже старый сержант преобразился. Стал галантным и учтивым, забыв об образе старого волкодава, покалеченного в схватках среди дальних звезд.

И куда только его зверская ухмылка подевалась?

– На кого желаете поступить, юная леди? – как заправский кавалер после приветствий спросил сержант.

– На пилота, естественно... – каким-то потерянным голосом сказала Кармен. – Или, если не получится из меня пилота, то на программиста, – добавила она более твердо.

Сержант удовлетворенно кивнул, принял у Кармен документы и быстро пробежался по ним глазами. По мере того, как взгляд его опускался все ниже и ниже по листу, глаза все более лезли на лоб.

– Э-э-э!.. А вы не пробовали подать документы в университет? Или колледж?

– Я пришла на федеральную службу, чтобы получить деньги на университет! – гордо ответила Кармен, в одной фразе выразив и свое отношение к самой Федеральной службе, и вообще к присутствующим. Жаль, что все смыслы сказанного могли оценить лишь немногие. Сержант, как видно, понял, а пришедшие чуть ранее Джонни с Карлом просто тупо смотрели на Кармен, оценивая ее формы.

Сержант поморщился, так как во фразе, брошенной девушкой, ясно сквозило презрение к Федеральной службе и стремление использовать ее чисто утилитарно. Для целей, как следовало из того тона, которым было высказано, более возвышенных и серьезных.

– Подбери слюни! – бросила она Джонни, заметив, что тот пялится на нее глазами голодной шавки.

Тот расплылся в глупой улыбке и попытался сделать комплимент Карменсите. Она же посмотрела на него, как на вошь, и промолчала.

– Чудная девушка! Если вас не затруднит, поднимитесь в комнату двести четыре и спросите майора Роджэс, она вами займется, – между тем сказал старый сержант, совершенно игнорируя Джонни и Карла.

Карменсита кивнула, взяла обратно свои документы и, на секунду задержавшись, бросила ему:

– И еще, сэр! Просьба.

– Да, молодая госпожа! – галантно ответил тот. – Я внимательно вас слушаю.

– Вот этих кретинов, – она небрежно кивнула на Джонни с товарищем, – определите в стройбат. Они достаточно тупы, чтобы ему соответствовать, и достаточно умны, чтобы случайно друг друга не поубивать в первый же день!

– Я обязательно учту ваши пожелания! – оскалился сержант и многозначительно посмотрел на парней. Те покрылись холодным потом. Только Джонни все еще продолжал смотреть вслед уходящей Кармен влюбленными глазами. Он просто не знал, что ему доставляет больше неудобств – страх перед сержантом или вот эта девочка, что сейчас уходила, не оборачиваясь.

Слова Кармен и многообещающий взгляд сержанта, брошенный на балбесов, сильно уменьшили мимолетный энтузиазм у Джонни по поводу федеральной службы. Но тут в нем разыгралась гордость.

Парень подумал, что если сейчас откажется, то на него будут показывать пальцами. Ведь Карменсита Ибаньес не побоялась. А он... он, получается, трусил! Испугался трудностей!

К тому же очень сильно хотелось стать таким, как киногерой, которого играл Шульц. Как на том постере. Таким же мускулистым, ловким и находчивым. Чтобы не этого Шульца, а его самого вот так снимали журналисты. Не в киношном скафандре, а в настоящем. С настоящим оружием в руках. Чтобы не перед Шульцем, а перед ним, Джонни, бабы складывались у ног штабелями.

Возникает, правда, вопрос: а почему он не стал таким раньше? То есть сильным, ловким, мускулистым, находчивым...

Тут все просто – он ленился. Так же, как и другие сынки богатых и успешных родителей. У него было все, чего бы он ни пожелал. Кроме одного – самоуважения. Ведь все, что ему давалось, по-настоящему ему не принадлежало или, если и принадлежало, было не им заработано. Ему, по большому счету, гордиться было нечем. И вот тут, на федеральной службе, Джонни предоставлялась возможность стать таким суперменом. Не совсем самостоятельно.

Чтобы стать таковым самостоятельно, нужна воля, которой не было. Для таких, как Джонни, нужен протез воли. Например, в виде армейского сержанта, который будет его гонять как сидорову козу до тех пор, пока он не станет тем, кем быть обязан. В армии. И кем хотел бы быть «на гражданке», после того как уйдет из армии, из ее железных рукавиц. Поэтому, когда Карл закончил свою сбивчивую речь о том, зачем он сюда пришел и на что собирается тут претендовать, Джонни твердо сказал, что он тоже идет на федеральную службу.

Сержант оскалился, предвкушая очередное развлечение, и обрушил на двух пока что потенциальных новобранцев пространную лекцию о том, что их ждет. Про то, как мамочки получают извещение об их смерти, если им не повезет... «а таких, кому не повезло – много», а если повезет, то... могут вернуться вот таким обрубком, как он сам. С сильным недочетом по части конечностей.

Довел бедных парней до конкретной дрожи в коленках. Но, к чести Карла, он все-таки не настолько был напуган этим рассказом, чтобы отказаться у самого порога. А прошедший через вестибюль по каким-то своим делам полицейский резко прибавил решимости и отваги Джонни.

Так что оба, серьезно мандражируя и заикаясь, отправились на медкомиссию.

Вот только зря они не обернулись. Там, почти у дверей, стоял и тихо веселился только что зашедший вслед за Кармен Диего.

Хорошо разогретый «беседой» с предыдущими остолопами, сержант среагировал на вновь подошедшего предсказуемо.

– Дай угадаю... – прищурился он. – Ты тоже вздумал сбежать от маменьки с папенькой и поступить на федеральную службу.

– Да, сэр! – браво гаркнул Джонни, тщательно сохраняя на лице весело-придурковатую улыбку. Сержант, славно позабавившийся с предыдущими двумя, открыл было рот, чтобы продолжить и с этим «латиносом», но Диего внезапно изящным жестом руки его остановил.

– Оставьте сэр, свое великолепное красноречие на таких кретинов, как те двое. Я знаю куда пришел.

– Даже так! – осклабился сержант. – И куда ты, сынок, собрался, весь такой изящный и прыткий?!

– О, сэр! Моя тупость как раз соответствует звездному десанту. Я знаю, мой ай-кью¹⁰ достаточно низок, чтобы попасть именно туда! – Диего проиллюстрировал последние слова ослепительной улыбкой.

– Ты в этом уверен, сынок? – затрясся в беззвучном смехе сержант.

– Абсолютно! – сияя улыбкой, подтвердил Диего. – И комиссия, будьте уверены сэр, то же самое скажет!

– Ты случаем не дурак?! – тихо спросил слегка ошалевший от такого напора сержант.

– Так точно, сэр! Дурак! – не менее браво подтвердил Диего. – Ведь только такой дурак, как я, мог решить идти в строевые части.

Сержант уже не знал, то ли смеяться над этого балбесом, как конь, или... Впрочем, за его спиной находилась медкомиссия. И там чокнутых отсеивают «на раз».

– А ну-ка, дай мне твой аттестат! – недоверчиво покосился на Диего сержант и цапнул поданную папочку.

Прочитал. Хмыкнул. Еще раз смерил оценивающим взглядом фигуру Диего. Перед ним стоял юноша, прекрасно физически развитый, несколько сухощавый, но не рахитичный. Мускулистый, но явно мышцы не перекачаны в каком-то дурацком клубе бодибилдинга с бодипартом. Все в меру. И по тому, как держится, хорошо видно – он не из «маменькиных сынков», которые только что перед ним прошли на комиссию. Но аттестат... как бы не на порядок круче, чем у той красотки... и тоже, надо отметить, латинос.

– Далеко пойдешь! – хмыкнул сержант, отдавая аттестат обратно. – Я уже не спрашиваю, за каким демоном ты сюда притащился. Наверняка, как та девочка, за деньгами. Для университета.

– Никак нет, сэр! Не за деньгами. За звездами, – продолжил разыгрывать из себя радостного дурака Диего.

– На погоны? – поддел его сержант.

– Да, сэр! И побольше!

Следующие две минуты эти двое упражнялись в красноречии. Один пытался уесть стоящего перед ним, а другой не менее изящно парировал все подколки. Поняв, что новобранец слишком остер на язык, и что только армия вообще и лагерь в частности его от этой болезни могут излечить, сержант сдался. Сделал напутствие в чисто сержантском стиле, пожелав парню всего такого, что самому себе вряд ли пожелаешь, и жестом отмахнулся от балбеса.

– Спасибо, сэр, за напутствие! – сказал Диего, все так же улыбаясь и воспринимая это как есть на самом деле – как игру для залетных дураков. – Так куда мне идти?

– Слышал, что сказал тем двоим?

– Так точно, сэр!

– Вот и топай!

¹⁰ IQ (ай-кью) – коэффициент интеллекта. Коэффициент ниже 70 – умственно отсталые (дебилы, имбецилы, идиоты), от 70 до 90 – в просторечии дураки, от 90 до 110 норма, от 110 до 145 – талантливые, выше 145 – гении. (Прим. автора)

– Слуш... сэр!!! – отрапортовался Диего и с той же залихватской улыбочкой, что и прежде, отправился вслед за Джонни и Карлом.

– Какое остроумное ныне пушечное мясо пошло! Или, наоборот, на всю голову раненое... – фыркнул сержант себе под нос и, сложив руки на столе, принялся ждать следующих остолопов. Кисти на его правой руке не хватало. Обои ног тоже. Но на то его тут и посадили, чтобы он одним своим видом отсекал самых тупых, нервных и поэтому непригодных для службы остолопов.

* * *

Лагерь находился в местности, мягко говоря, не жаркой. Плоская, как стол, равнина, поросшая низенькой травкой, насквозь продуваемая холодными ветрами. И среди этой равнины стояло несколько кирпичных двухэтажных зданий, в которых располагалось жилье офицеров и разнообразные службы. Кирпичными были и некоторые хозяйственные постройки, разбросанные по степи.

Для новобранцев же существовало только одно жилье – палатки. Степь выглядела скучной, однообразной и надоела практически в первый же день пребывания. Для Диего это было еще одно приключение и еще одна ступенька в выполнении Плана, в то время как на остальных его будущих сослуживцев степь подействовала угнетающе. Они унылой толпой выгрузились в эту голую степь и так же уныло, подбадриваемые командным рыком сержантов лагеря, принялись обустраиваться на будущем месте временного проживания.

Кто-то хорохорился, кто-то сохранял мрачное молчание, однако, как заметил Диего, практически все новобранцы представляли собой просто толпу. Толпу ничем и никак не связанных индивидов, даже близко не осознающих факт того, что дальше им придется вместе служить и вместе делить тяготы федеральной службы. А может быть, делить в будущем и общую могилу. Если таковая вообще будет у них.

Даже здесь, в месте, где требовался хоть самый элементарный, но коллективизм, каждый старался выпятить свое «я». Отделиться от всяких прочих: где мрачным молчанием, где задиранием соседа, где просто бараньей покорностью судьбе.

Из этого следовало, что сержанты в Лагере будут ломать личность новобранцев. Грубо ломать. Вдребезги.

Эта ломка была главной опасностью армии Йос для Сергея. Хотя само предвкушение того, что он увидит воочию это хоть и не слишком эстетичное, но все-таки направленное на излечение от индивидуализма действие, сильно интриговало. Но не настолько, чтобы делать его безрассудным. Но ведь сейчас и здесь он сам, как прогрессор, ничего не мог сделать. Он пока для этого общества никто. Надо подняться на следующие ступеньки в нем, чтобы от него хоть что-то стало зависеть. А пока стоило подготовиться к глухой обороне. К защите от слома.

* * *

Командование лагеря не подвело его ожиданий.

Уже следующий день после прибытия оно сделало очень «веселым» для новобранцев.

Начать хотя бы с того, что выспаться после длительных переездов новобранцам не дали – подняли до восхода солнца. Среди ночи Диего-Сергея буквально выбросил из кровати дикий рев. Он сразу и не понял, что это. Стоял в защитной стойке, босой на земляном полу, и лихорадочно соображал, что это могло бы быть. На сирену не похоже. Но уже через секунду ощутил, что в этом реве присутствует некий ритм. Вскоре он понял, что играют какой-то военный марш.

А ревом он показался потому, что в лагере очень сильно сэкономили на звуковоспроизводящей аппаратуре: за хрипом и скрипом большая часть мелодии просто потерялась. Впрочем, ни содержание, ни другие качества сего произведения не имели в данный момент значения. Главное – эта музыкальная жуть была предназначена для подъема новобранцев, которые, несмотря ни на что, продолжали нагло дрыхнуть, натянув на головы одеяла и заткнув уши. Сообразив, что к чему, Диего-Сергей быстро оделся и выскочил наружу из палатки.

На выходе он чуть не сшиб злобного субъекта в форме младшего офицера. Оба шарахнулись друг от друга. При чем офицер бросил несколько удивленный взгляд на Диего, прежде чем нырнуть в палатку, из которой тот только что выпрыгнул.

На плацу в свете зари его встретил лишь один поджарый сержант. Тот прохаживался вдоль линии, начерченной для тупых новобранцев прямо по грунту, и, как было видно, пребывал в благодушном настроении. Холодный воздух его не трогал, в отличие от привыкших к комфорту новобранцев, но когда он увидел перед собой Диего – вздрогнул. Явно не от холода. От неожиданности.

Сфокусировал глаза, принял подобающий зверский вид и кинулся в атаку на курсанта.

– Кто такой? Имя!

– Диего Гонсалес, сэр! – браво ответил Диего, вспоминая литературный шедевр полуторатысячелетней давности, где был описан один такой персонаж в армии, косивший под идиота¹¹. Диего вдруг очень сильно захотелось проверить: а здесь это пройдет?

– Что, самый умный и правильный? Смир-рна!

– Стараюсь, сэр! Соответствовать, так сказать, с-сэр!!! – тупо гаркнул Диего, еще более вытягиваясь по стойке смирно.

– Много болтаешь, курсант!

– Виноват, сэр!

Сержант подозрительно хмыкнул и обошел наглого курсанта кругом.

– И что ты еще умеешь, кроме как браво орать «виноват, с-сэр!»? Чему тебя еще дома научили?

– Драться, сэр! – с энтузиазмом заявил Диего.

– Ах, ты еще и драться умеешь! – почти ласково произнес сержант, многозначительно разминая пальцы. – И каким стилем ты владеешь? Какой предпочитаешь?

– Уличный стиль, сэр!

– Да чему вы вообще можете обучиться на улице... – презрительно бросил сержант, сделал два шага назад и стал в боевую стойку. – А ну, давай нападай, как можешь!

Сержант решил сбить с новичка апломб самым прямолинейным способом: показав, что здесь он никто, а его умения, приобретенные до армии, ничего не значат. Да и поколотить слегка этого зазнайку стоило.

– Но... сэр! – оторопел Диего.

– Считай это учебным боем, курсант! – многозначительно произнес сержант. – И вообще, если сможешь хоть раз меня ударить – будешь командовать этими остолопами. Ясно?

– Да, сэр! – также придурковато ответил Диего и стал в стойку.

Зря сержант затеял это. Через полминуты он получил самым пошлым образом в ухо. Откатившись на несколько метров и став на ноги, уже совершенно иными глазами глянул на «наглого латиноса». По глазам было видно, что настроение у него резко испортилось. Сержант огляделся по сторонам. В ближайшем и дальнем радиусе каких-либо курсантов еще не наблюдалось. На лице его чуть ли не крупными буквами читалось раскаяние за потерю бдительности и очень скверная судьба для тех, кто сейчас будет вышвырнут из палатки. То есть балбесов, опоздавших к построению и, как видно, к представлению.

¹¹ Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. (Прим. автора)

Диего-Сергей, изобразив на лице сильное раскаяние, между тем внутренне посмеивался.

«Медленны вы все для нас. Медленны! Против нас, людей с модифицированными генами и физиологией, вам не вытянуть в прямом столкновении. Вы бросили нас тогда на гибель. На отравленной планете, с мутировавшими вирусами и бактериями, с искаленной разной дрянью наследственностью. Вы весь мир отравили, пытаетесь найти способ сохранить власть, сделать нас рабами. Но раз за разом природа брала верх. И разум человеческий выкарабкивался из трясины навязываемой собачьей преданности, по сути, негодяям. Но мы выжили. Вычистили планету и себя. И вычищая – усовершенствовались. А усовершенствовав, вышли к звездам.

И пришли к вам, наследникам тех, кто стал причиной того, кем мы стали».

Это было необычное ощущение. Диего-Сергей постарался его хорошо запомнить. Как это: врезать в ухо Врагу, далекому наследнику Врага. Словно за всю боль тех, кого кинула эта цивилизация, отплатил...

Сергей прислушался к своим ощущениям. Тут примешались и эмоции самого Диего, который уже чуть ли не генетически ненавидел вояк, которые двести лет назад сначала завоевали половину испанского сектора, а после жесточайше подавили серию восстаний на оккупированной территории. Предания сохранились. Запрещенные хроники – тоже.

Память рода Гонсалесов – рода, который перенес рабство и помнил, что это такое, – удивительным образом наслоиась на память самого Сергея, создав этакую гремучую смесь.

Какой же чудовищной силы должна была быть катастрофа, вызванная древней цивилизацией англосаксов, чтобы память об этом впечаталась чуть ли не в гены?!

«Неужели ненависть имеет генетическую основу? – думал Сергей. – Или это естественная реакция на человеческую гниль? То самое отвращение к войне, лжи и тотальному обману, что прививали каждому человеку, будь то на Земле-Прародине, на Каллисто или в других мирах, колонизированных землянами. Прививали безотносительно рас, наций, народов».

В сущности, этот сержант не был виноват в том, что его воспитали таким. Была виновата цивилизация. Ее вожди.

Сержант аккуратно исполнял свой долг. Так, как он его понимал. И в этом столкновении, получалось, был некий знак. Знак первой стычки со Зверем, которого предстояло победить. Изнутри.

Сейчас станет ясно – выиграл или, победив, проиграл Сергей первую, битву.

Эти мысли за секунду промелькнули в голове у него, но все равно, как он ни старался, на его лице сквозь всегдашнюю удаль проглянул оскал торжествующего волка.

Видно, сержант заметил этот оскал. И понял, что парнишка ему не по зубам: такие не ломаются. А раз так, то его надо не ломать, а приручать.

Он сделал шаг назад, все также внимательно наблюдая за стоящим в боевой стойке Диего.

– Брэк! Достаточно! – резко сказал он и расслабился.

Диего, чтобы хоть немного загладить конфуз сержанта, вытянулся по стойке смирно.

– Неплохо-неплохо! – то ли с угрозой, то ли с похвалой сказал тот. На его лице, тем не менее, играло теньями бешенство. Видно никак не мог себе простить, что дал ударить себя новобранцу. Алая заря зарождающегося нового дня залила кровавыми отсветами ровную, как стол, стылую степь. Легла красными отсветами на гневное лицо сержанта, придав ему inferнальный вид.

– Кто тебя этому научил? Только не сочиняй басни про улицу.

– Папаша Дюк, сэр! Э-э, виноват, сэр, полков...

– Папаша Дюк?! – с сильнейшим удивлением прервал его на полуслове сержант. – Кем он тебе приходится?

– Сосед, сэр! И учитель, сэр!

– И тут достал... – непонятно, с сожалением или с восхищением буркнул сержант себе под нос.

– Брикс!!! – вдруг рявкнул сержант в сторону палаток.

– Да, сэр! – раздалось оттуда. Там по стойке смирно и со стеклом в руке вытянулся обладатель хари, очень соответствующей фамилии своей кирпичностью¹².

– Где эти маменькины сынки?!! Почему они до сих пор не на плацу? Вышвырнуть их из палаток немедленно!

– Есть, сэр! – рявкнул «кирпич» и кинулся внутрь палатки. Оттуда немедленно раздались стоны и возмущенные крики.

– Вот так!.. – удовлетворенно произнес сержант, но потом снова глянул на застывшего по стойке смирно Гонсалеса, вспомнил свое пылающее ухо, – и настроение его снова упало.

– Блейз! – снова заорал он, и возле него тут же материализовался еще один субъект со стеклом. – У меня к тебе задание. – Видишь вот этого? – сержант показал своим стеклом на Диего.

Блейз кивнул.

– Сопровождаешь его, чтобы не сачковал. А тебе! – сержант обернулся к Гонсалесу и ткнул ему в грудь стеклом, зверским выражением на физиономии изобразив все, что о нем думает. – До склада и обратно. Пять кругов. Бегом!!! Вон до того!

Сержант обернулся в сторону открытой степи и показал на еле видный у горизонта бетонный ящик.

– Есть, сэр! – с энтузиазмом взревел Диего. – Р-разрешите выполнять, сэр?!!

– Марш отсюда!!! – уже совершенно озверел тот, так как из палаток начали выползать курсанты. Кто на своих двоих, кто на карачках, сопровождаемый откровенными пинками инструкторов. Сержанту сильно не хотелось, чтобы хоть кто-то из этих молокососов узнал о его досадной промашке. А отыграться – он отыграется. На вот этих выползающих. Прямо сейчас.

Диего взял скорость прямо с места.

Блейз, не ожидавший такой прыти от новичка, еле успел кинуться за ним.

* * *

Дальнейшее превратилось в издевательство над бедным Блейзом. По изначальной задумке сержанта капрал, приставленный к Гонсалесу, должен был его загонять. Не секрет, что абсолютное большинство новобранцев приходило на федеральную службу с физическими кондициями гораздо ниже нормы, необходимой для нормальной службы. Даже если некто хорошо умел драться, то в выносливости вряд ли был на уровне. На это и был расчет.

Однако Диего-Сергей решил опять сыграть под дурачка: ему дали задание бежать пять кругов. По самой скромной прикидке – километров десять в сумме. Для космодесантника это мелочь. Сергей, обладая сильно превосходящими средний йосовский уровень физическими кондициями, легко мог пробежать и в три-четыре раза больше. Но в том-то и дело, что у Блейза был, скорее всего, средний (по здешним меркам) уровень физической подготовки, разве что чуть выше среднего. Потому и задал каллистянин такой темп, чтобы Блейз не отставал, но и догнать не мог. Причем сделал так, чтобы тот бежал чуть быстрее скорости, позволяющей не выдыхаться на длинной дистанции. Естественно, что надолго его хватить не могло.

Бодро завершая первый круг со все той же сияющей наглой физиономией, Диего-Сергей обозрел происходящее на плацу.

Появились первые пострадавшие: кого-то уводили со сломанной рукой. А зверский рев разъяренного сержанта был слышен от самых складов. Так что о том, как протекает первая «воспитательная» беседа с курсантами, Диего-Сергей был полностью в курсе. На подходе он с удовлетворением выхватил взглядом бледную физиономию Джонни, изо всех сил старающегося прикинуться ветошью и не попасться «на зуб» суровому сержанту.

¹² Bricks (англ.) – кирпичи. (Прим. автора)

Демонстративно обогнув плац и бодро улыбнувшись напоследок совершенно осатаневшему от его вида сержанту, он пошел на второй круг. Сержант же, проводив его налитыми кровью глазами, только рявкнул вслед: «Быстрее ноги переставляй, бездельник!» Для Диего-Сергея это стало только новым поводом поиздеваться над сопровождающим. Тот уже сбил дыхание на слишком быстром темпе и вот-вот должен был начать отставать. В этом мире на десятикилометровой дистанции не несутся так, словно собрались пробежать только пятьсот метров.

Диего-Сергей прибавил ходу и отметил перекосившуюся физиономию сопровождающего с не меньшим удовлетворением, чем страх Джонни.

Второй круг он прошел с опережением метров на сто. На плацу как раз сержант валял каких-то особо мускулистых балбесов. Он был так сильно занят выбиванием из них пыли, что Диего заметил тогда тогда, когда тот громко и все так же бодро топая пробежал мимо.

Проводив каллистянина взглядом и скрипнув зубами, сержант отправился искать среди курсантов следующего мальчика для битья.

Блейз начал серьезно отставать только на четвертом круге. Попытался «резать углы», но это ему все равно не помогло. Диего-Сергей слегка прибавил скорости – и Блейз снова отстал.

Увидев, что Гонсалес опять нарезает круг с бравым видом, сержант решил добавить еще пару кругов. Бодро рявкнув на ходу: «Есть, сэр!», Диего отправился на пятый круг. Правда, слегка сбавил темп. Уже совсем загнанный Блейз, даже срезая путь, едва за ним поспевал. Он все еще хорохорился, изображая из себя суровое начальство, но это уже слабо помогало. Как он ни старался, но к финишу не прибежал – приполз. Со значительным опозданием после Диего. К его счастью, курсанты уже ушли, а сопровождающие еще одного балбеса, обогнанные на последних трех кругах, наверняка находились еще за складом. Блейз чуть постыдно не завалился на плац под ноги сержанту, дожидаясь их двоих.

– Курсант Диего Гонсалес забег на семь кругов закончил, с-с-сэр! – лихо отбарабанил Диего-Сергей, вытягиваясь перед сержантом. Тот сначала злобно посмотрел на все такую же бравую физиономию курсанта, а потом – с изумлением – на полудохлого, дышащего как загнанный конь Блейза. Он чуть головой не замотал, настолько это выглядело неправильным. Ведь такой вид, как у Блейза, должен был иметь новичок. Но не наоборот!!! Однако факт оставался фактом: Гонсалес оказался гораздо выносливее, чем среднестатистический капрал-десантник.

Сержант быстро оценил обстановку. Блейз еще один круг с этим сияющим идиотом не вытянет. А удастся ли вымотать на этом кругу Гонсалеса – было совершенно непонятно. Нехотя признавшись себе, что «идиот» невероятным образом победил-таки в этом негласном соревновании с армейским сержантом, он отпустил обоих в столовую. Блейз, шатаясь от неимоверной усталости, вяловато отсалютовал и поплелся по направлению к столовой. Гонсалес же... Взяв с места в карьер, рванул так, что только пыль за клубилась над голой степью под взошедшим солнцем.

– Ну, как первый день, сержант Зиммерман? – услышал он сзади. Резко обернувшись и застыв по стойке смирно, он узрел как всегда тихо и незаметно подкравшегося капитана Хорни.

– Нормально, сэр! – бодро доложил сержант, лихорадочно соображая, заметит ли капитан досадно опухшее ухо или нет.

– Вольно... Есть «отличившиеся»?

– Да, сэр! – все также браво ответил сержант и, расслабляясь, перешел на более спокойный тон. – Одного бегать отправил, другому...

– Руку сломал – слышал, – опередил его капитан. – Давай отойдем и поговорим.

Они отошли чуть подальше от маршрута следования курсантов других отделений, чтобы случайные уши не слышали их приватный разговор.

– Так вот, сэр...

– Ладно, – отмахнулся капитан, – хватит официально. Нас тут никто не слышит. Расслабься.

– Хорошо, – еще более расслабился сержант. – Там еще было несколько. В общем, ребята неплохо показали себя. Материал сырой... Но сделаем. Там есть один сын полковника. Хорошо себя зарекомендовал.

– А! Знаю. Япошка?

– Да.

– Его бы надо сразу определить на командные должности. Чтобы папаша был доволен. Пусть сын растет.

Сержант кивнул, принимая к сведению.

– А белые вороны были?

– Был. Один. Ну полный идиот. Однако сильный и выносливый.

– Это кто именно? Ромм? Так он не только тупой... – пожал плечами капитан и посмотрел на сержанта, ожидая продолжения. Но тот его огоршил.

– Не Ромм. Диего Гонсалес.

– Но ведь!.. – у капитана глаза на лоб полезли. Но тут уже разыграло любопытство. Он поумерил рвущееся удивление и более спокойным тоном осведомился:

– А чем он так выделился у тебя?

– Великолепно дерется. Либо талантлив неумеренно, либо хорошо выучился. И вынослив как буйвол.

– Уж не скажешь ли ты, что он вышел сухим из всего, что ты ему надавал? Неужели ты не смог его загнать? – с подначкой спросил капитан.

– Его не смог. А Блейз, которого я к нему приставил, чуть на плацу от переутомления богу душу не отдал. Гонсалесу – хоть бы что. Даже не вспотел. Все своей идиотской улыбочкой сверкает.

– Ты хочешь сказать, что он Блейза загонял?! – теперь уже неподдельно удивился капитан.

– Да. И я не представляю, как это могло случиться. Такой идиот – и с такими физическими кондициями. Я вообще слышал, что все дебилы отличаются большой силой и выносливостью. Наверное, с этим Гонсалесом та же история.

– Все так, но Гонсалес не дебил.

– Не понял!

– Ты с ним поаккуратнее. Как я понял из твоего рассказа, он вел себя как идиот. Так?

– Да, сэр!

– Так я тебе говорю, что он играл под идиота. С такими случается. В его карточке записано, что у него ай-кью двести десять.

– Может, сто десять?

– Это, может, у тебя сто десять, – насмешливо оборвал сержанта капитан. – А у него двести десять! Там рядом с цифрой – можешь посмотреть в личном деле – все прописью повторено. Да еще и восклицательный знак стоит. Видно, он и психолога из медкомиссии чем-то достал. Или изумил до потери пульса.

Сержант поник. Он был достаточно умным человеком, чтобы понять, где надо остановиться. Мгновенно все планы по «загибанию этого идиота Гонсалеса» вылетели из головы. Он воспринял это как факт и успокоился. Неисповедимы пути Господни. Этот «как бы идиот» – одна из его причуд. Если нельзя поломать, нельзя «загнуть», – то следует просто приручить. А это он хорошо умел. И не такие приручались.

Сержант криво ухмыльнулся и зашагал вслед за капитаном в сторону столовой.

* * *

Некоторое время курсанты с удивлением обсуждали новость: новичка, и «как очевидно – идиота», Диего Гонсалеса неожиданно сделали командиром отделения. По какому-то недоразумению он был внезапно приближен и теперь находился постоянно на подхвате у сержанта. Сержант по-прежнему был официально командиром отделения и инструктором, но некоторые рутинные свои обязанности по командованию «этими остолопами» все больше и больше перегружал на Диего. Гонсалес превратился в эдакого ординарца при сержанте, за что часть ненависти, питаемая к жестокому инструктору, так или иначе перепала и ему.

Диего держался молодцом. Со своими сослуживцами старался выстраивать отношения ровно, но без панибратства. Раз уж его поставили командовать – значит, и надо быть именно командиром. Тем не менее, некоторые индивиды, которые сами бы хотели такого роста, сами рвались вверх по служебной лестнице, затаили и обиду, и злобу. Неожиданный и «беспричинный» успех уязвил их в самое сердце. А то, что Диего был еще и «латинос», добавляло злости. Особенно у тех, у кого сохранилось давнишнее чисто расистское предубеждение перед «черномазыми».

Негров на Йос не было. Вместо них были все, кто имел смуглую кожу. Так что у Диего-Сергея неожиданно возникла довольно тяжелая проблема: расисты и карьеристы. А так как те и другие часто сочетались по принципу «два в одном», то проблема получалась двойная. Тем не менее он смотрел на все это не без юмора, стараясь применить некоторые из подходов, которые знал, как каллистиянин.

Очень даже вероятно, что злобно смотрящие теперь на Диего индивиды в школах были любимчиками администраций, при власти и почете. А тут такой облом: без власти, да еще в подчинении у того, кто должен, по их мнению, всегда находиться внизу.

А то, что все в этой голой степи были на виду, под жесточайшим контролем инструкторов, исключаящих какие-либо «воспитательные» разборки с их стороны, разжигало ненависть еще больше.

Однажды они все-таки, улучив момент, попытались. Впятером. Но очень быстро убедились, что с Диего связываться себе дороже, и, как побитые собаки, убрались с «поля боя», дальше взирая на Гонсалеса с зубовным скрежетом издали.

Не обошлось, конечно, без разбирательств. Но Диего это обставил как демонстрацию, которую он, якобы, устроил для этой пятерки. Так как побитыми оказались именно эти пятеро, а Диего как был сияющим, так и остался, командование лагеря решило не заморачиваться. Всех отпустили с миром. Только капитан с сержантом многозначительно переглянулись и ухмыльнулись.

Идиоты, пытавшиеся напасть на Диего, ничего из того происшествия не поняли. Не поняли, какие серьезнейшие последствия могут быть за неподчинение и вообще за нападение на командира. Если Диего как командир был так себе – всего лишь «иногда исполняющий обязанности», – то сержант являлся не просто номинальным командиром, но и инструктором.

Они не понимали до тех пор, пока не попался заводила пятерки – Крошка Тэд. Он и так ходил в постоянном бешенстве от невозможности начистить рыло ненавистному латиносу. А тут, видя состояние Тэда и желая доломать-таки, сержант на упражнении «замри» уложил его мордой в грязь. Лежать и булькать в ледяной жиже целый час Тэду, видимо, очень сильно не захотелось. Тогда он подскочил – и залепил в глаз сержанту.

Точно так же, как и в свое время Гонсалес влепил тому в ухо в первый же день. Снова сержантик расслабился и потерял бдительность.

Впрочем, Крошка Тэд (прозванный так далеко не потому, что был маленьким) помимо немалых габаритов имел-таки неслабую реакцию. Так что тут уже со стороны сержанта была

двойная неосмотрительность. Единственное, что его извиняло: Тэд относился к сравнительно распространенной категории дураков, которые считают, что все знают наперед. В том числе и ответы на все вопросы.

Эта-то самоуверенность его и подвела.

Засудили. Приговорили к десяти ударам палкой и изгнанию с федеральной службы. Для Тэда, мечтавшего стать политиком, это была не просто катастрофа – конец жизни.

Практически наверняка этот человек уже никогда и нигде не поднимется. Скорее всего, сопьется. Чуть менее вероятно – уйдет в криминал, и там сложит свою буйную и тупую голову в одной из разборок. Если, конечно, полицейские не пристрелят раньше. Руководитель боевиков из него вряд ли получится. Там все-таки надо думать, а не считать, что думаешь.

Для Йос – обычная практика. Для Каллисто – «преданья старины глубокой». Кстати говоря, действительно глубокой, так как это сохранилось только в тысячелетней давности хрониках и учебниках обществоведения, истории.

Несколько недель после страшной экзекуции на плацу и последующего изгнания Крошки Тэда оставшаяся четверка его прихвостней-расистов ходила как из-за угла пыльным мешком по голове огрета. Судьба предводителя ввергла их в страшный шок. Впрочем, не только их. Того же Джонни вообще в бессознательном виде с плаца утащили. Не выдержала его ранимая душа – сына толстого бизнесмена – страшного зрелища наказания.

Если выбытие физически сломавшихся их коробило, но еще оставляло в душонках эгоистическую гордость типа «а я сильнее этого лузера», то сейчас выбытие того, кто был сильнее их всех вместе взятых, сломало окончательно. Сломало морально. Наконец-то новобранцы осознали то, чего добивались инструктора – они здесь никто. Так, пыль на башмаках Армии.

* * *

Диего-Сергей бегал в общем строю таких же, как и он, по предгорьям. И ждал, когда же их по-настоящему начнут спланивать. Ведь должны, по идее!

Что-то новое должно было случиться в этот день. Ведь не зря же гоняют в этой глуши, да еще почти без остановок. Обычно, когда гоняли по степи, на месте привала всегда ждала кухня. Тут же уже целый день три взвода рысили без еды. Даже перекуса. Вечером удивленные новобранцы были «обрадованы» тем, что ни еды, ни теплого ночлега не будет. Спать, конечно, не запрещали. Но спать пришлось на холоде, без привычных спальных мешков.

Диего быстро раздал остатки своих запасов галет, которые он всегда брал в такие забеги, и с интересом стал дожидаться, что предпримут инструктора. Они же не сделали ничего, кроме пары замечаний и простейших советов, продолжая наблюдать, как поведут себя курсанты.

Терпение у Диего истощилось, и он взял все в свои руки. По прошествии нескольких недель его уже слушали внимательно, а не презрительно попрекали происхождением. И капральские нашивки только добавляли авторитета. Диего быстро организовал свое отделение, и в целом ночь и для бойцов, и для него самого прошла удовлетворительно. С его физическими кондициями он мог и вообще не спать. Холод как таковой для его тела также был несерьезен. Но для других курсантов ночь превратилась в пытку.

Чтобы не замерзнуть, им поневоле пришлось кооперироваться с соседями. Сбившись в кучу, курсанты грели друг друга, как овцы в снежную бурю. Те, кто находился снаружи, быстро замерзали и протискивались в середину, но стоило кому-то хотя бы чуть-чуть задремать, как его выпирали на холод, где он быстро прочухивался и лез обратно. Поэтому вся эта куча-мала находилась в постоянном «броуновском» движении. Как они ни старались, выспаться никому не удалось. В ледяное утро их так же грубо, как и в первый день пребывания в лагере, подняли на ноги, заставили сделать зарядку и погнали обратно. Как стадо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.